

Юрий Влодов

На семи холмах

Стихи из разных книг

Юрий Влодов

На семи холмах

Стихи из разных книг

Художник
Н.С. Ворламова

ОАО «Московские учебники и Картолитография»
Москва • 2008

ББК 84(23Рос = Рус) 6
В 57

Издательская программа
Правительства Москвы

Арт-директор:

Макет и художественное оформление:

Редактор-составитель:

Г.В. Масленникова

Н.С. Ворламова

Л.М. Влодова

Влодов Ю.А.

В57 На семи холмах. — М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2008. — 224 с.: ил.

ISBN-978-5-7853-1004-9

Поэт Юрий Влодов довольно хорошо известен в пишущих кругах, но мало знаком широкому читателю. Только афоризм «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это» известен всем. Неоднозначное прошлое способствовало в годы застоя сокрытию его творчества. Так что знакомство с его стихами было возможно в то время лишь немногим избранным: в основном тем, с кем поэт общался лично.

Поэзия Юрия Влодова многообразна, многопланова. Многие темы волнуют поэта и находят отражение в его творчестве: война и мир, любовь и ненависть, добро и зло. Его стихи понятны не только искушенному читателю, но и самым простым, далеким от поэзии людям.

ISBN-978-5-7853-1004-9

© ОАО «Московские учебники
и Картолитография», 2008

© Ю.А. Влодов, 2008

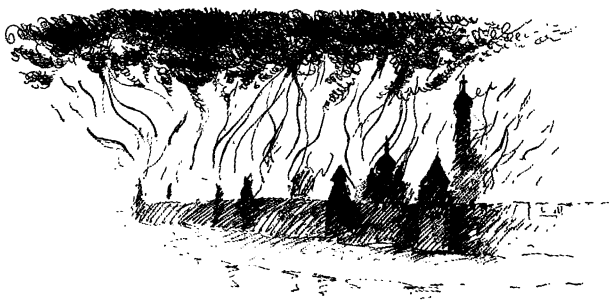

НА СЕМИ ХОЛМАХ

Юбилейная ода к 850-летию Москвы

Москва! — вне племени и рода...
Одни легенды над тобой...
Но вся славянская природа
Твоей пронизана судьбой!
Ты рождена в наречьях оных,
Ты возросла в мирах иных,
От княжких бревен оборонных
До храмов стольных, именных.
В твоей мучительной науке
Мужала воинская злость...
«Москва! Как много в этом звуке!..»
И сердце русское зашлось...
Сигнально вскидывались листья
Округ дозорной городьбы.
На мгле рыжела шапка лисья
Смертельной смертницы — Судьбы.
И на заречном ратном кряже,
Дробя копье, — с дружиной врозь,
Рычал хмельной, бесстрашный княже:
«Не трожь, тутарин, святу Рось!!..»
В Орду — вслепую — без дороги —
Бежала пламенем трава.
И, унося кривые ноги,
По-волчьи выла татарва.
Еще дымилась Божья рана
Юдоль — славянская тоска...
Но в обреченном вопле хана
Россию чуяла Москва!..
.....
Москва! — холопница, обуза! —
Тысячеустная молва!..
Но ни поляка, ни француза

Ты не приветила, Москва!..
Там Васька дыбился Блаженный,
Являя русский передел,—
Мятежно — ряженный, страшенный,
Свидетель всех удельных дел.
Грозницы взрыдывали разом,
Струями омывая храм, —
По угнетенным богомазам,
По ослепленным мастерам...
Господен кат — Иване Грозный —
Был, что Архангел, мудр и яр.
Его нездешний взор морозный
В крутой озноб вгонял бояр.
Тряслась мехов боярских псина.
А кат, дабы прогресс добыть,
Долбил жезлом родного сына, —
Чтоб слабину Руси добыть...
В Кремле плясали трали-вали, —
Точь-в-точь степная ураза!
А с перепьяни бунтовали,
Воздев бояр на железа.
Вбивались в светлые палатя —
Ядри твою ведьмаку-мать!..
С княгиньки рвали бело платье,
Чтоб груди спелые умять...
И — воровали, воровали...
Любили, черти, воровать!..
И — воевали... воевали...
Любили, черти, воевать!..
И плелся шляхтич недобитый —
На запад — в топкие леса.
Во стольном граде Лжедимитрий
Все прятал беглые глаза.
Умолкли вещице кукушки.
Померкла польская заря.
И в небеси взлетел из пушки

Прах самозванного царя...
Не облак — адова примета!
Не облак — облик Сатаны!..
А Бонапартова карета
Бежала мерзлой стороны.
Руси залапанная карта
Подранком билась на снегу.
И детский чубчик Бонапарта
Ледком покрылся на бегу...

.....
В надрыве рабской, смертной скуки,
В трудах двужильных и в бою
Какие дьявольские муки
Крутили душеньку твою!
Но легкой доли не просили
Твои сыны, твои волхвы —
И на святых холмах России,
И на Семи Холмах Москвы...
Земной слезой полью ковригу
В разбойном сиром кабаке.
И обниму попа-расстригу
С дубьем в чугунном кулаке...
Омоюсь я слезой небесной —
Туманной манной на реке,
Когда нетронутой невестой
Пройдет Россия налегке...

Под занебесным звездным просом
Я от любви сойду с ума!..
И зябко выдохну над плесом:
«Не Богородица ль сама?!..»
Благоволит к Руси Мессия, —
Мучитель Небом обличен.
С тобой Христос, о Свет-Россия!
А черный Дьявол обречен...

.....
Над миром — свастика паучья
Ее размах необорим.
И мощь безлобая, ползучья
Прет на Москву — на Третий Рим.
Прет плотоядно, жадно, рьяно
На ополченную Москву
Стальной дракон Гудериана,
Сжигая снега синеву.
Да будет враг сражен гордыней —
Гордыней дьявольской убит!
Пусть площадь Красная — твердыней —
Бессмертье духа вострубит!
Пусть грянет Весть над теремами
Победной звонницей веков!
Пусть Место Лобное громами
Тряхнет, как Сорок Сороков!
Из ворожбы да из гаданий
Встает предтеча всех основ —
Москва — родилица преданий,
И зрячих слов, и вящих снов.
Входи в Москву, коль сам не враг,
Ты на Москве — желан и дорог,
Ты на Москве — и брат и гость...

.....
Зри Замосковье, русич хожий.
Светило в радужных кругах.

Лесной шалаш на стог похожий,
И птичьи промельки в лугах.
Глазеешь ты на дождик талый,
А у святого родника
И просветленный, и усталый,
Ты вдруг увидишь двойника.
Он, твой двойник, такой же русский,
Такой же смуглый и живой.
Быть может, больше светлоусый
Да шрам под глазом — ножевой.
В листве дробится сгусток света.
Тропа искрит от ранних рос.
«Ты кто?» — спросил и ждешь ответа.
И Он ответил: «Я — Христос».
Как странно!.. Господи, как странно!..
А луг медвяницей горчит.
А на Его ладони рана
Еще слегка кровоточит.
А Он смеется до придыха,
Грызет бесхозную моркву.
«Куда идешь?» — спросилось тихо.
И Он сказал: «Иду в Москву.
Я — пешеход. Люблю. Привычка».
Ушел. Котомка за спиной.
И где-то взвыла электричка
Осатанелым Сатаной...

.....

Над Рождеством (равно — над Пасхой),
Над золотницей куполов —
Всплыл архиерейский бас от Спасской —
Возглавил хор колоколов.
Стоглавый день стозвонно начат
В соцветьи дымок и дымов.
Москва-река по-бабьи нянчит
Семь великанов — Семь Холмов.

Машина Времени ручная,
Волна мифических племен —
Волна московская, речная,
Волна знамен, волна имен.
Реки счастливую подкову
Окрестит луч из облаков, —
От Долгорукого к Лужкову
Пришла волна живых веков.
Здесь, во стоглавой, во стозвонной
Во славу древнеросских ден, —
Возрождена душа Поклонной,
И храм Христовый возрожден.
Господним отсветом окрашен
Славянской Стольницы наряд.
Чу! — паруса церквей и башен
Под ветром Вечности горят.
Сияй у Вышнего причала
Живое детище Творца! —
Тебе — Великой — нет начала!
Тебе — Столикой — нет конца!

«ТАНКИ ШЛИ ПО РУСИ ПРИДЫХАЯ...»

Стихи о Великой Отечественной войне

Юрий Влодов кровно связан с Великой Отечественной войной: годы его детства и отрочества пришлись как раз на военный период.

Не понаслышке он знает про бомбежки, разрывы снарядов, свист пуль, вражескую оккупацию и эвакуацию. Все это ему довелось пережить. Война оставила в его душе неизгладимый след.

Об этом он и написал свою военную книгу.

* * *

Война распяла детство.
Оставила наследство:
Сухую емкость фраз,
Почти звериный глаз,
Сверхбдительный рассудок,
Отравленный желудок,
Горячий камень сердца
И дух единове́рца...

И нет моей вины,
Что я — поэт войны!

* * *

Гуляло лето по европам...
Там пастернаком и укропом
Пропахли городки.

И фрау — пышные, как лето,
В субботу шли на «Риголетто»,
Взбивая парики.

И, натянув тугие гольфы,
Жестяно лаяли адольфы,
Выкатывая грудь!

И, присягая кружкой пива,
Густого, злого, как крапива,
Не морщились ничуть.

Шипели праздничные фарши...
В Берлине взвизгивали марши! —
Вибрировал эфир.

И Сталин грыз мундштук устало,
И, дабы робость не пристала,
Грузинский пил чефир...

В Москве гуляющие матросы
Швыряли лихо папиросы
На танцевальный круг!

Послы садились в лимузины,
Стоял горячий дух резины...
Но я родился вдруг!..

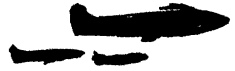
Все это было... было... было...
Ты, мама, все в земле забыла:
Шекспир, мечты, семья...

На довоенном фото — в раме —
Худрук цветы подносит маме!..
Но тут родился я!

* * *

Танки шли по Руси придыхая...
Танки шли на восток по прямой...
И кричала дошкольница Хая:
«Мамка! Тракторы! Ой!..»

Подгорала земля, что коврига
На подовом каленом листе.
И крестился пропойный расстрига:
«Иисусе Христе!..»

Круглосуточно вякали стекла,
Крались танки в туманах Руси...
И вздыхала двужильная Фекла:
«Сын родимый, спаси!»

А сыночек — румяный лицом,
В обороне залег с ружьемом,
И клубился над ним, молодым,
Трубок маршальских вдумчивый дым.

* * *

В июньский день — мороз по коже!
И все сердца — впритык.
И песня русская похожа
На оголенный штык.

Не спит, не ест Иосиф Сталин,
Уткнулся лбом в стекло.
И синий бант сестренкин, Лялин,
Войной заволокло.

* * *

Ах, как я распахнуто сплю!
Как маму и папу люблю!
И лето гладит меня
Ладонью ушедшего дня...
Но лето не в силах помочь:
Уже вступает в права
Самая краткая ночь...
Самая белая ночь...
Как мамина голова
Месяца через два...

* * *

Ведро, веники, пеленки —
Мир барачный...
Где расту я, тонкий, звонкий
И прозрачный.

Украду у деда Гори
Горстку сорной
И курю на косогоре
За уборной.

От веселых струй табачных,
Что от гонки,
Зазвенят в ушах прозрачных
Перепонки...

Все толкует мне старушка —
Бабка Нина:
«Привезут тебе игрушку
Из Бярлина!..»

Но пекусь я, тонконогий,
Не о детстве:
Не отец ли на дороге?
Не отец ли?!..

* * *

Теплушки похожи на низкий закат,
А низкий закат — на теплушки.
Живой паровоз, как дракон, языкат,
Соломушка вместо подушки.

Четвертые сутки наш домик ползет
На юг, на восток и на север...
Четвертые сутки больная поет
Нескладную песню про клевер.

Гнездо из соломы на нарах совью,
А доски свистят, как синица.
Во сне я, наверно, фашиста убью —
Носатого, рыжего фрица.

*** * ***

**Бьет из пушки профессор физмата
Как заправский какой душегуб...
И невинное облачко мата
С черно-белых срывается губ...**

**Орудийная смолкнет болтанка,
И оттают потом, по весне,
Мертвый след непомерного танка
И лучистый осколыш пенсне...**

* * *

А детство где? — ищи-свищи! —
Засыпано бомбежкой...
А я в мороженые щи
Врубаюсь гнутой ложкой.

Морковный чай долблю до дна,
Железом пахнет кружка...
И с неба светит не луна,
А мерзлая горбушка.

* * *

Цыц! — ни аха и ни оха! —
За спиной — Москва!..
В котелке бурлит картоха,
Пучится морква...

В этой жизненной минутке,
Сладкой и немой,
Место есть солдатской шутке
И письму домой...

От солдатского обеда
В дни больших утрат
И бессмертье, и победа —
Все зависит, брат!

* * *

Зимы военных лет
Выпали полной мерой...
Греемся нашей верой,—
Другого топлива — нет.

* * *

Да, были ожеговы, дали,
Россия оними горда.
Но словари в гробу видали
В те рукопашные года.

В горах горящего металла
Война явила свой словарь!
В молельном страхе трепетала
Черно-коричневая тварь!

Мы обнищали, отощали,
Осатанели, как зверье...
Зато язык обогащали, —
Славянский дух раскрепощали,
О Русь, во здравие твое!

Рождались в мальчиках мужчины.
Спасал Россию род мужской.
Взбухало знамя матерщины
Над медной бюргерской башкой!

Гремела мощь неологизма! —
Ивана только растрави! —
Он шел к победе коммунизма
По локти в собственной крови!

* * *

Скосил глаза народный вождь:
«Нужны не сказки — были.
Мы фронтовую нашу вошь,
Товарищи, забыли».

И застрочили штабники
Во все живые мочи,
И стали санпропускники
Трудиться дни и ночи.

От Сталинграда до Москвы
Одежки мяли с хрустом
И посыпали густо швы
Непобедимым дустом!

И крикал вызванный боец
Под тем глобальным душем,
Как некий признанный борец
Под триумфальным тушем!

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Всемирной бойни мясорубка
Месила черноземный фарш,
Когда стеснительно и хрупко
Взлетел над полем русский марш.

В необозримой курской рани
Тот марш солдатский духовой
Плыл, так сказать, над полем брани,
Окутан тайной вековой...

И отступил чванливый немец,
Внезапным ужасом движим...
Он кто?! — Ворюга! Иноземец!
А русский мир — непостижим!..

ДЕЙСТВО

Курносый абхазец Шапиро
Завез лицедеев на фронт.
Актеры валяли Шекспира
И брали пехоту на понт.
Вплетали глухие октавы
В литой благородный металл...
Король без престола и славы
Зубами, как черт, скрежетал.
За кругом таился Шапиро
И знаками звал старшину,
В предчувствии легкого пира
Плотал трудовую слюну.
Как дети в сетях Образцова,
Солдаты вздыхали, скорбя,
И хлопали столь образцово,
Что выдали фрицам себя.
И вышли фашистские «тигры»
Из хвойной глуши навесной...
Иные наметились игры
На взрытой опушке лесной!
В кусты отбежала пехота
От танковых смрадных зевот...
Пехота, да жить-то охота, —
Ведь каждый для жизни живет!
А в танках откинулись люки,
И фрицы, свой страх веселя,
Втянули в реальные муки
Залетного лжекороля.
Полопались маски Шекспира,
Как в плохо придуманном сне...
Курносый абхазец Шапиро
И крикнул бровастый в крестах!..
И, русскую брань изрыгая,

Пехота явилась в кустах:
«Эге! Завертелись, подлюги! —
Вруби им вязанку! — с плеча!!..»
И разом захлопнулись люки,
И танки кругнулись, рыча...
Но тихо зверела пехота —
Юнцы, мужики, старики...
За гадом ползучим охота
Крепчала судьбе вопреки!..
За дивное действо Шекспира!
За смирного хлопца Шапиро!

* * *

С утра прислали смершники
Классических писак.
Гляди, потянет в смертники
Наш замполит Исак!

Он в позе уголовного,
Вся жизнь его — пятак!
«Да, застрелил полковника!
Да, дело было так...»

А что с того полковника? —
Какой конкретный толк?!
Он был белей покойника,
Когда прижали полк.

Позорно для полковника
С плеча погоны рвать!..
И вбил Исак полковника
В тесовую кровать!..

И полк повел за Родину! —
С полка смывая срам!..
Потом представят к ордену.
Сначала — девять грамм!

* * *

Отец упал на гребне лета,
Зарыл в траву лицо.
В руке, пониже партбилета,
Гранатное кольцо...

Десятки лет! — какая малость!
Опять болит рука!..
Десятки лет не разжималась
Рука политрука.

*** * ***

**Мама бела, как зима,
Вся уместилась в халатике.
Сгнули, что ли, солдатики!..
Все походили с ума!..**

**Папка! Коняшка! Отец!
Тяжко в обугленной каске,
В маске из адовой сказки
Снежный хлебать холодец?!**

**Снег по-военному сед.
Сжаты последние сводки.
В бешенстве, что ли, иль с водки
Плачет убогий сосед?..**

* * *

От деда пришла похоронка:
Осталась от деда — воронка.
К тому же арийская раса
Решилась Можай штурмовать...
И бабу снесли на кровать
За сутки до смертного часа...
Все бредит: «Хочу танцевать!..
О ком ты? — поклонников масса!..
Любимый! Проклятый! Ударь!!.»
Торчит на стене календарь,
А прожитый день оторвать
Больнее, чем шкуру от мяса...

* * *

Из-за тыновых гребенок
К танку выбежал ребенок.
Оживились: «Киндер! Мальчик!
Как зовут?» Ответил: «Ванчик».

Экипаж навзрыд заржал...
А малец две дули сжал:
«Не возьму я вашу... эту...
Шоколадную конфету...»

* * *

И рухнул матери на грудь:
«Ты, мать, пойми — не обессудь...

Я — робок... я крестьянский сын...
Я рос под шепоты осин...

Я знаю поле, тишину...
И я боюсь ее — войну!...»

Но оттолкнула от груди
И тихо молвила: «Иди!»

* * *

Бежал, поджимая живот,
От фрица, от жалкого прусса...
И знал, что уже не живет,
Поскольку «отпраздновал труса»...

В осоке лежал мертвецом,
Сжимая позорную бритву,
И терся о влагу лицом,
И слушал ударную битву.

Но встал сапогом на судьбу!
И труса видал он в гробу!!..
Прошел, будто шел против ветра,
Немыслимых полкилометра!!!..

Он душу тащил на горбу.

ЯЗЫК

Его поймали при обозе,
В пуховой шали, на морозе.
Он захрипел: «Рот-фронт! Камрад!..»
Ударил в грудь: «Рабочий! Брат!»
И уточнил: «Я ошень рад!..»
Тогда сказал разведчик Яша:
«Смотри, какая в мире каша!
Смотри получше, раздолбай!
Что заварил, то и хлебай!..
Рабочий?! Ух ты, перемать!!»
И финку — в столб! По рукоять!..
Всемирная варилась каша
На переломном рубеже,
И пил коньяк разведчик Яша
В отбитом ночью блиндаже!
И все ломал соболью бровь!
Все врал про женскую любовь!..

КАЗНЬ ПАРТИЗАНА

Каратель попался психолог! — с приглядом! —
Друзей расстрелял, а ему:
«Молчишь? — хорошо! — И по шее прикладом. —
Ну, битте!» и — настезь тюрьму..

Бежал... Задыхался... А в полюшке пегом
Припал партизан к валуну..
И, словно подранок, присыпанный снегом,
По-сучьи завыл на луну..

*** * ***

**Встал над пропастью войны.
Кудри нежные льняны.
Пропасть!.. нет назад пути...
Крылья есть — добро! — взлети!**

* * *

Когда на окровавленной шинели
Внесли бойца с разбитой головой,
Засушенную веточку сирени
Нашли в его тетрадке голубой.

Два черно-бурых, бисерных куплета
Расплылись по кровавому листу:
«Люблю тебя, изменчивая Света,
За Вашу неземную красоту!..»

И пробурчал начальник медсанбата:
«А что сирень? Сирень — не виновата...»

*** * ***

Сгорел в подбитом старом танке...
Останки вылизал огонь...
И мать на дальнем полустанке
В сундук запрятала гармонь...
И прикорнула на лежанке,
Фитиль убавила на треть...
И снова — сын в горящем танке!
Все сто ночей ему гореть!..
И тысячу ночей гореть!..
Ни отдохнуть, ни умереть!

* * *

Солдат любим седой старухой,
И молодой женой-стряпухой,
И малыми детьми...

Солдат врубился в голый пламень
И превратился в голый камень!..
Попробуй, обними!..

* * *

Окружение... Свалка... Плен...
Кожа, стесанная с колен...
Автоматчики, псы, конвой...
А усталость — хоть волком вой!
По морозной грязи — босой!
И она позади — с косой!
Только ветер гнусаво пел:
«Потерпите, и я терпел!»
Но бодрящий тычок в плечо:
«Слышь, товарищ, держись, ты че?!»

* * *

В барак вселили смерть, как ровню,
Чтоб страхом сбить усталость.
Швырнули душу на жаровню,
Чтоб тело пресмыкалось.

А он достал клочок бумаги
И грифеля огрызок,
И написал: «Шумят овраги,
Уж первый ливень близок...»

*** * ***

**Еще дымился Кремль московский
И Кремль смоленский, но уже
Расправил грудь Иван таковский
На переломном рубеже!**

**Еще в небесной адской смете
Чернели списки фон-горилл...
Но батальонный ангел смерти
Над спящим фюрером парил!**

* * *

По-сиротски смурные земли
Принакрыли ручьями шрамы.
Что ни вечер — приходят в семьи
Похоронки да телеграммы.

Чу! — рыдает слепец щербатый! —
Отчий край опоганен вором...
Чу! — летают над русской хатой
Белый аист и черный ворон...

И стучат костыли да палки,
Наподобие той считалки:
«Аты-баты, шли солдаты...»

* * *

Без вести канул в пучину войны.
Бабе оставил бредовые сны...
Черных, как уголь, четыре весны,
Грузных, соленых четыре волны...

Баба металась, ждала, стерегла...
Разом сломалась — в горячке слегла...
Жахнул победный святой фейерверк!..
Баба очнулась, но разум померк.

Встала с улыбкой на мертвом лице,
Вышла к народу в тряпичном венце,
Бровь заточила печным угольком,
Плечи покрыла небесным платком...

Взвыла, топыря мосластый живот:
«Сладкой залетка в Рязани живет!..
От полудурка к зиме понесла...
Тропка в тот хутор быльем поросла...

Дикие травы, куда ни ступи...
Был ли тот хутор в горючей степи?..
Долго бродил я по этим местам,
Вроде и не было хутора там...

* * *

Ботву рукой крушила,
Таскала в темный лаз.
И был острее шила
Ее неженский глаз.

Таскала, голосила:
«Ой, все помрем зимой!
Ой, где ты, муж мой, сила,
Хваленый Митрич мой?!»

В селе шуршали слухи
(Язык-то без костей!):
Мол, видели старухи
Очкастых тех гостей.

И парашюты вроде
Нашел дурак Фома...
И ухали в природе
Подземные грома!..

Из леса вырывался
Фанерный «ястребок»,
Взвивался и срывался,
Как сизый голубок!

Туман белее мела
Сводил собак с ума...
Но в рупоре гремела
История сама!

И полон властной спеси,
Как сказочный титан,
И грады брал, и веси
Бессмертный Левитан!

* * *

Война — жесточайшая проба.
Но женщина любит — до гроба!..

Сопрела солдатская роба...
А женщина любит — до гроба!..

Он вмерз в сердцевину сугроба...
А женщина любит — до гроба!..

Весна зачернела сурово...
А женщина любит — другого!

* * *

Объявилась в тылу фронтовичка.
Секретарши шипят: «Истеричка!..
Ногти желтые от махры,
Фи, какие торчат вихры!..»

Огляделась: а Волга-то плещет! —
Словно сердце живое трепещет..
Закружилась в тиши голова...
Ей ведь, господи! — двадцать два!..

СОЛОВЕЙ

В трофейном городке
(Ну, где-нибудь на Висле)
Возник недалеко
Росток поющей мысли, —
Славянский соловей
Породистых кровей!
Он пел — живой росток —
В разрушенном квартале,
Что мир не так жесток,
Как мы тогда считали...

* * *

Сначала вышел с ним курьез!..
И осерчал Иван всерьез! —
Он всю Европу взял на мушку —
Наглядно, без прикрас!..
Ему б теперь — махры осьмушку,
Еще б — косушку да горбушку,
А главное — приказ!
И протопочет без запарки
В те золотые трептов-парки!

МУЗЕЙ МОЦАРТА

...И с боем взяли тот музей,
События круша!..
А дальше что? — толпись, глазей,
Коль в сердце есть душа...

Фигурный стол. Резной диван.
Облезлый клавесин...
Запоминай, солдат Иван,
Ткачихи Клавы сын!

МЕССА В КЕНИГСБЕРГЕ

Он — Теркин. Он парень-рубaha!
Средь прусских напудренных рыл
Он медленно слушает Баха
И рот, как телок, приоткрыл.

На этом, не знавшем испуга,
Беспомощно дерзком челе,
Как тень отражается fuga, —
Рождается мир на земле.

* * *

На соборе — профиль прусский, —
Благородный Бах.
А в камнях — солдатик русский
С кровью на губах...

На руке наковка: «Ира»,
Медное кольцо...
А всесильный Бах от мира
Отвернул лицо.

МАЙ 1944 ГОДА

**Каунас, Таллин, Рига,
Бах с голубой слезой.
Сплющенная коврига
Под громовой кирзой!**

**Каунас. Рига. Таллин.
Красные кровь и пот.
То-то бессмертный Сталин
Красные вина пьет!**

ЖУКОВ

В паучьих руинах Берлина
Гармоника душеньку пьет.
И снайпер Василий Калина
Чечетку нахраписто бьет.

Суворовский марш барабанный
Крошит мировую зарю!
И ветер — портяночный, банный
Щечочет Европе ноздрю...

Средь танковых лязгов и гуков,
С российской натугой в лице,
Нафабранный, выбритый Жуков
На белом идет жеребце!

При маршальском чине убогом —
Он прост, как любой генерал.
Он чист перед Господом Богом!
Он сам, как Всевышний, карал!

В нем — дух гулевого боярства,
Истории тучная статья!
Он волен создать государства —
И каменным идолом стать.

А куцый, вертлявый союзник,
Коль с маху — по-русски — прижать,
Подтянет казенный подгузник,
Чтоб легче к Ла-Маншу бежать!

И тот, в окружении башен,
В своем допотопном Кремле
Не так уж всемогущ и страшен
На этой победной золе!..

В паучьих руинах Берлина —
Поскольку такой тарарам, —
Хватила душа славянина
Солдатских бездонных сто грамм!

Хмелеет в припадке величья
От славы — глухой и немой.
И шея — лиловая, бычья —
Надрезана белой каймой...

В гранитные латы его бы, —
Чтоб в камне остыл, пообвык.
Хмельной похититель Европы! —
Славянский распаренный бык!

* * *

Восход алел, как орденские планки.
Клонило в сон от свистов пулевых.
И пудренные, статные германки
Толкались возле кухонь полевых.
Им наливали в термосы баланду,
Им подавали бодрую команду,
Чтоб двигались быстрее к черпаку.
И, улыбаясь, морщился раздатчик,
Волжанин, молчаливый автоматчик,
С фашистскими осколками в боку..

* * *

Улетели луга,
Улетели сады и леса...
И в колодезной мгле
Холода голубые стояли.
А бечевочный змей
Навсегда уходил в небеса,
В облака, в облака,
Что снегами уже накопили.

(Ах, мамочка, милая мама!)

Пел слепой замполит
На ступенях сельмага о том,
Как под кольским холмом
Закопал он глаза ледяные,
Василиса ему
Выносила казенный батон,
Опускала потом
На ладони его земляные.

(Ах, мамочка, милая мама...)

Из воды выходил
Полуночный голодный налим,
По низовьям Оки
Дымовая плутала истома.
А в глазницах у вдов,
Словно луны из голых долин,
Возникали глаза
Не дошедших до отчего дома.

* * *

Не смотри, солдат слепой,
Черной жабой.
Ты гуляй себе с рябой,
Потной бабой.

Посоли-ка огурец,
Кружку выдуй.
Не завидуй мне, слепец,
Не завидуй.

* * *

*И пляшут, прогибая твердь,
Две пьяных бабы — Жизнь и Смерть...*

Иван да Марья вышли из ворот.
На них глазеет весь честной народ.
Иван — хмелен! Под сердцем — ордена!
В платке трофейном юная жена.
Запела Марья... Голос так высок! —
В нем сына нерожденный голосок...
Вдова Христина — в девятнадцать лет —
Из-за плетня по-волчьи смотрит вслед.
Негнучая, прямая, как доска...
Неразлучимы счастье и тоска!..

СОСЕДИ

Две руки старшина схоронил.
Живу душу зато сохранил!

«Заходи! — не чурайся, браток!..
Посиди! — почумазим чуток...»

А сержант — при руках и ногах,
Только вроде уже в мертвяках...

«Эх, души на войне не сберечь...
Мне бы стопочку — память прижечь!..»

* * *

Куда же вы делись,
Солдаты-солдатики?
Где встали на вечный
Солдатский покой?
Сегодня в селенье
Под окнами, в садике
Гуляет ознобный
Цветочный настой...
В колодце вода,
Как веселая денежка,
Спокойное небо
Метет самолет...
А ваша седая
Любимая девушка
Солдатскую дочь
Под венец отдает.
Холмы да холмы,
Да столбы полосатые,
Лучи обелиска
Из талых полей...
Все пахнут пути
Молодыми солдатами,
Шинелями пахнут
Стволы тополей...

* * *

Друзья собрались в День Победы.
Скрипач стыдливо прячет пальцы,
А летчик — рваные ожоги.
А востроглазая медичка —
Болтушка Нюшка — санинструктор —
Слезами рюмку наполняет
И пьет за рыжего гвардейца,
Что укатил в Тамбов, к семье...

Война прошла, как чёт и нечет...
А патефон — и рвет и мечет!..

*** * ***

**И все же, черти, — в здравии! — в живых!
И в рядовых, и в оченно заслуженных...
Чу! — хрипотца их голосов живых,
Разноречивых, сорванных, застуженных...
И все-таки немало их — живых,
В регалиях надраенных, затертых!..
...Так почему же мы опять — о мертвых?..**

«ПОРТРЕТЫ»

**Стихи о царях, исторических деятелях,
полководцах, поэтах**

* * *

Спросил кривой монгол,
взасос целуя стремя:
«Что видел ты во сне,
о солнечный Чингиз?!»
Но солнечный Чингиз
не глянул сверху вниз, —
Лишь сплюнул
и попал
монголу прямо в темя.
Из горла звук извлек
и в никуда изрек:
«Мне снились белолицые уроды...
Они тонули в собственной крови...»
А сам, зажмурясь,
думал о любви...
Гонец сказал:
«У младшей были роды...»

* * *

Он удивился: «Ты, мой Брут?!»
Но был удар кинжала крут..
Проснулся Цезарь утром рано —
Остывшая зияла рана,
Хотелось душу отогреть..
И он подумал: «Правый Боже!
На что же все это похоже, —
Теперь уже — не умереть!»
А Брут задумался глубоко
И стало Бруту одиноко,
И он подумал: «Все помрем!»
Сверкали дали голубые,
И только стражники немые
Ходили мерно под окном.

* * *

Робинзон осознал,
Что вдали не корабль, а касатка...
Заметался, заныл, заскулил на песчаной косе!..
Успокоился враз,
И вздохнул по-младенчески сладко,
И когтистой рукой рубанул:
«А-а! — идите вы все!..»

* * *

А Дон Жуан-то, может статья,
Рыдал на чьей-нибудь груди:
«Я так хочу с тобой остаться!
На веки вечные остаться!..
Да смеху будет — пруд пруди!..»

* * *

И выиграл куполами неслыханный
Васька Блаженный!..
И тогда ослепили творцов, обезглазили напрочь!
Упоили сивухой, велели пожрать напоследок,
И по-царски спросили: «Чего вам желательно,
хамы?..»

Захрипели умельцы: «За работу, Гроза,
благодарствуй!..»
Шапки шмякнули оземь: «Царь-Гроза!
Самодержец! Заступа!..»
И пошли по Руси, улыбаясь хмельно
и блаженно...
Опираясь на посохи, щупали воздух ноздрями...

* * *

Ах, по головушке тугой —
Неслыханным жезлом!..
И целый миг трясет ногой
И пучится козлом...

Ах, по головушке — жезлом!..
С оттяжкой!.. Да сплеча!..
И оплывает под углом
Истории свеча...

Иван сморкается в полу,
Дрожит, как Вечный Жид..
А русский Гамлет на полу
Расплющенный лежит.

* * *

Цари обычно — самодуры.
Царицы — просто злые дуры.
Царевны вялы, истеричны...
Зато царевичи — лиричны!
Подросток — что?! — живые мощи, —
Загривка нет. Ходули тощи.
Торчит косица, как лоза,
Но в клетках мечутся глаза!..
Но мировых познаний голод
Его как зверь скребет уже!
И назревает Питер-город
В зело лирической душе!
Прочистит глотку прусским пивом,
Мозги — британским табаком,
И, ослеплен голландским дивом,
По верфи дернет босиком.
Он — фантазер! Он Русь-голубу
Рванет за потные меха!
И вывернет ее, как шубу, —
Так, что посыплется труха!..

* * *

Поредел императорский чубчик.
Пыль смоленская скулы свела.
Ах, кого отпевают, голубчик,
Квазимодовы колокола?!

Проносился нездешней орбитой!
Проносил неземной ореол!
И завис над Москвой, как подбитый,
Обронивший добычу орел.

* * *

Не осталось былого азарта.
Под ногами — чужая земля.
И народ пропустил Бонапарта
На Божественный суд короля.
Строг поверженный, как монумент,
В исторический данный момент.
Он — в солдатских одеждах суровых.
Сапоги — не придумать грубей!
И Луи со ступеней дворцовых
Прошипел: «На колени, плебей!»
Поклонился Великий Солдат,
Распрявился Великий Солдат,
Гордо вскинул литой подбородок.
Резко руки скрестил на груди.
Он-то слышал — живой самородок —
Как бессмертье трубит впереди!

* * *

В надежных розвальнях, в мехах,
Волконский спит, поджав коленки...
Отпрыгнул встречный влопыхах,
Вдогон этапу лупит зенки...

Осторожной пушки грохнет гром.
Тузом бубновым бита карта...
И туча в небушке сыром, —
Как треуголка Бонапарта...

Игрок! Фанатик! Бог пространства!
Смутитель русского дворянства!
Его нечаянный палач!..
Поплачь на острове... Поплачь!..

* * *

Давыдов проснулся, горяч и по-зимнему зорок.
Спружинил в постели: «Ба! — ночью-то хлопнуло
сорок!»
Заносчиво фыркнул: «А хоть бы и все пятьдесят!!»
Шампанского кликнул, велел порубать поросят.
В деревню послал — притащить крепостную
семнадку.
Гавриле сказал: «Наиграй-ка мне, дурень, сонатку.
Сыграй мне про то, как во снах пуще птицы
летаю...
А я полежу... И о жизни былой помечтаю...»

* * *

Светильники... Гербы...
Ночные менуэты...
Осенняя земля, —
Что вечная ладья!..
Как Вечные Жиды,
Курчавятся поэты,
Как вечный идол, прям
Земных затей судья.
«Ужо вам, писаря!
Арапы! Графоманы!..»
В стеклянной тишине:
«К барьеру, певчий трус!!»
Сквозь долгие снега
И длинные туманы —
Рабочий звон курка
И пристальное: «Ну-с!..»
Как вечные рабы,
Курчавятся поэты.
Как вечный идол прав,
Земных забав судья!
Светильники. Гробы.
Ночные менуэты...
А зимняя земля, —
Что вечная ладья!
Весенняя земля...
Но где-то в чужедадельней
Степи моей родной
Над брэнною душой
Играет мой кузнец
С огромной наковальной...
О сладостный кузнец,
Поэта брат меньшей!

* * *

О балы мои далекие!
Колокольца снежный звон!
Неопознанные локоны
В бликах елочных окон...

Зажигали свечи чистые...
Заполняли синевой...
Полонезами лучистыми
Плыли зимы над Невой.

И на санные излучины —
В запах милый, меховой —
Опускался кто-то мученный
С эфиопской головой...

И взлетали галки снежные
Из-под санного ножа!
И была метель мятежная
Оглушительно свежа!

* * *

Когда на клейкий подоконник
Зарю обронит глупый птах,
Когда пастух — сопливый конник
Промчится с гиком на устах,

Я буду спать — башкой в тужурку,
В мышинном сене и пыли...
Но в оловянную мазурку
Вхожу я с теплой Натали...

И свечи светятся морозно!
И рыжий гений смотрит грозно!..
Ах, притча века — Натали!

Звенят браслеты грациозно,
И пахнут вольно и березно
Запястья сельские твои...

* * *

Светлело, а гусиное перо
Резвилось, как младенец неразумный,
И глаз косил безбожно и хитро
На этот мир — застенчивый, но шумный.

Пищала птаха, тихо зрел ранет,
Сварливый клен под окнами возился...
«Ужо тебе!» — воскликнул вдруг поэт
И кулаком чернильным погрозился.

«Ужо тебе!» — и весело со лба
Смахнул кудрей воинственную смуту..
Не знала Русь, что вся ее судьба
Решалась в эту самую минуту.

*** * ***

Монарх изрек:
«Что всеу Смерть?..
Палач — для этикету...»
И пояснил:
«Все должно сметь!»
И подмигнул поэту.
И прояснил:
«Нам жизнь дана
На вящую удачу!
А тут альбом:
«Взойдет она...»
Сей стих подобен плачу!..
Уж коли глиняный колосс —
Не место быть страданью...»
И кольца пушкинских волос
Взъерошил нервной дланью...
Басы опробовала медь,
И правнук Ганнибала
Вскочил с колен!
Забыл про смерть!
И ждал ночного бала...

* * *

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берет.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берез.

Суров арап великого Петра!
А внуку — только детские забавы...
Он засмеется белыми зубами
Под легкий скрип гусяного пера.

«Ребятюшки! Один у вас отец!..»
И на крыльце — Пугач в татарской бурке...
А на балах, в гранитном Петербурге
Позванивает шпорами Дантес...

На сотни верст глухой и гулкий лес...
Тебя, Россия, твой изгнанник пишет...
Вот он умолк... А, может быть, он слышит
Прощальный крик гусей из-под небес?!..

Она все ближе — теплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопушки,
Где в синий снег падет руками Пушкин,
И из-под рук вдруг вырвется земля...

И Натали доложат: «Он убит».
Ей кто-то скажет: «Вы теперь свободны».
И с белых плеч сорвется мех соболий,
И медальон на шее задрожит.

Пробьется луч весенний, золотой.
И будут бить на празднике из пушки.
И только под Михайловским, в церквушке,
Звонарь встревожит колокол литой...

Ну а пока — туманная пора.
Все в липкой паутине бабье лето.
И небо — в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...

* * *

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским Черным бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть,
Над безвинной русской кровью,
Над захарканной любовью —
Пушкин плачет у ольхи:
Жизни нет, а что — стихи?!..

* * *

Пушкин с Гоголем сидели,
Много пили, мало ели.
И, смакуя дым глотками,
Все чадили чубуками.
Поболтать бы, да о чем? —
Лучше — ноги калачом.
Вдруг ощерился поэт:
«Тридцать лет, а проку нет!
Недоступна мне пока
Глубь родного языка! —
По листу перо бежит,
Но — споткнется, задрожит,
Что кораблик на волне...
Тайну чует в глубине!...»
У Великого Хохла
Бровь к пробору поползла.
Усмехнулся? — вроде — нет.
Два кивка — и весь ответ.
Поболтать бы, да о чем?
Гоголь вроде ни при чем.

* * *

Русский лес — домовит.
Русский воздух — молод.
Русский чай — духовит.
Русский сахар — колот.

Синь — верста за верстой,
И на целом свете
Только Фет да Толстой,
Глупые, как дети...

Дремно думает граф:
«Хорошо в покое!..
И, конечно, я прав,
Верую в такое...

Вишь, пожаловал ферт —
Мазаны волосья!
И придумал-то — «Фет»! —
Ровно кличка песья!

Ишь, отставил задок! —
Как зайчишка, прыток.
Не беда, что жидок,
А беда, что жидок!..»

Дранный графский буфет,
Борода Христова.
Желчно думает Фет,
Глядя на Толстого:

«Ах ты, старый старик!
Домотканый гений!

**Борода, что парик
На потешной сцене...**

**Мудрой эрудит!
Дать бы старцу лупку!
Вроде граф, а глядит
Марьюшке под юбку!..»**

**Жизнь — верста за верстой —
Целый век в минуте...
«Нуте-с!» — молвил Толстой.
Фет ответил: «Нуте?..»**

* * *

«Граф, извиняй! — слова твои пусты, —
Сморгнул денщик, топя лепеху в сале, —
Издrevле — смерть и кривда мир спасали,
А жизнь и правда прятались в кусты...»
Все возмутилось в Левушке Толстом!
«Прочь!!..» — гаркнул граф и в двери ткнул
перстом...
Потом всю ночь казнилcя над листом...

* * *

Слепые силуэты Петрограда...
Густой туман, как дым пороховой...
А он поник белесой головой
Над столиком трактира «Эльдорадо».

Совсем не «Эльдорадо»... Нет, не то...
Пульсирует заточенная жилка.
Роняет блики смрадная коптилка
На черное старинное пальто.

Шарманка задыхается за дверью,
Надсадно и простуженно сипит...
И деревяшка адская скрипит.
И чья-то рожа в окна смотрит зверем...

Его рука немислимо бела...
Нет, он не спит, он только стиснул веки.
Как трудно быть мужчиной в этом веке,
Когда зовут в ночи колокола!

А над кабацкой стойкой Незнакомка
Кокоткой размалеванной грустит...
А он — руками белыми хрустит...
А он смеется коротко и ломко...

Потом встает — и падает стакан,
И он ногой ступает на осколки.
И сразу в грудь ударит ветер колкий,
И двинется над городом туман.

Он у мальчишки спросит папиросы,
А впереди — неясные, как сны,
Горят в тумане красные костры!
Шагают гулко красные матросы!

* * *

Не путайте балы и Блока.
Блок — это бублик ледяной.
И вошь тифозная. И склока
Лохматых девок за стеной.

И тьма, безлюдная, как площадь,
Где все устои — нипочем.
Пьяной, дымящийся извозчик,
Весь навесной, как Пугачев.

И тихий стон. И дикий гон.
И сани валятся под вожжи.
И девять ангелов с икон —
Детьми голодного Поволжья.

* * *

Я вижу Ахматову Анну:
Безумные четки в руках
И розы — открытую рану
На черных житейских шелках.

А в медленном взгляде — бравада,
И страсти тягучая мгла...
А в царственном жесте — блокада,
В которой до гроба жила.

НЭПМАНСКАЯ БАЛЛАДА

Ну кто не знает Мандельштама?
 Фигура-дура, скажем прямо:
 Шатун, крамольный стихоплет,
 В какой ты цвет его ни выкрась.
 Одни подачки: ест да пьет,
 По виду — грач, по слухам — выкрест.
 Но, черт возьми, какой пассаж,
 Когда морали строгий страж
 Его читает зло в гостинной...
 С овчинку кажется уют!
 И по лощеным барским спинам
 Мурашки вящие снуют!..
 Столица. Вкусный пар харчевни,
 Швейцары сумрачны и древни,
 В хрустальной вазе мягкий хлеб.
 Патруль — небритый и холодный —
 Заглянет — грозный и свободный,
 Слюну проглотит: «Ишь ты, нэп!»
 Мой бог! Какая сервировка!
 Тарелку взять — нужна сноровка,
 Не двинь-ка локтем невзначай...
 В окне — тельняшка, клеш, винтовка...
 Пиит два супа спросит робко
 И для жены — горячий чай.
 Цивилизованный приказчик
 С хозяйским прозвищем «Проказник»
 На полового в нос ворчит.
 Весь распомаженный и узкий,
 Гитарой ласково журчит,
 Картавя на манер французский:
*«Вся-то наша жизньюшка,
 Как пустой стакан...
 У меня на сег'дце бг'одит
 Чег'ный таг'акан...»*

Морозно хлещут струи водки.
Рагу шипит на сковородке.
Приказчик! Душка! Пей до дна!
Берет высоко и фальшиво
Гитары дряблая струна...
Ах, пшенный суп! Ну что за диво!

БАЛЛАДА О НОЧЛЕГЕ

Гой, робята! Рви на тройке!
 Фордыбачь, российский сын!
 Завались в суконной тройке
 Хошь — в харчевню, хошь — в Торгсин!..
 Время, время — прямо в темя —
 Бац! — навроде кирпичача...
 Хлоп ушами — ты уж с теми, —
 Дунет шашечка сплеча!..
 Хрен, капуста да печенка,
 Все сегодня не заздря...
 Водка, кровушка, чечетка —
 Тридцать три богатыря!
 «Вам бы надо б — чьи мы? Чьи мы?
 Ну, так можем пачпорт дать...
 На печи бы... на печи бы...
 Нам бы надо б... нам бы спать...»
 Печь высока да калена —
 Подюжей жилец сперва!
 Ой, потеха! До колена
 От жилетки рукава!..
 «Слухай, Кузька! — не конфузъ-ка!
 Не помни на них пальго!»
 Широка натура русська! —
 Степ — и то — чуток не то!..
 «Так негоже при народе! —
 Слышь, лежачего не бей!..»
 Любит пшенку в огороде
 Наш залетный воробей!..
 Спит под печкой сучка Моська,
 Снится ей мосол свиной.
 Спит на печке странник Оська
 (Ну, конечно, и с женой!)...
 Маает маятник судьбину...
 Русь! Кладбище да труба...

Через пушу-луговину
Продирается изба...
Под щекой у сучки Моськи
Сохнет Оськин башмачок...
Ая-яй! Не стыдно, Оська?!
Ведь не спишь ты, дурачок!..
«Здрассте! Здрассте! Нет, не сплю я...
Потому что вот — не сплю...
Вашу родину люблю я!
Нашу родину люблю!..
Почему-то лилипуты
Повставали в уголки,
На кривых ножонках путы,
А в глазенках — угольки!..
Как же? — круглые недели
Чтоб ни крыши, ни угла?!
В самом деле, вы хотели,
Чтобы мы как чучела?!
Извините... Мерзость... Мысли...
Просто карлики в углах...
Нам бы надо б в зябкой выси,
Чтоб на легоньких крылах!
Над ветрами колокольни,
Где зарница, как нарыв!»
«Черной птицей в небо, что ли?»
«Три ха-ха! — какой наив!
Вы поймите, вы поймите,
Как я счастлив за жизнь!..
Ну, пожалуйста, возьмите
Сердце алое мое!!..»
В раннем поле, где Морозко
Машет гривушкой льняной,
От села уходит Оська
/Ну, конечно, и с женой!/...

ЛАГЕРНАЯ БАЛЛАДА

*Не оставляйте спички детям
(плакат противопожарной охраны)*

Вступление

Как совы сонны и недобры воры.
Бесята смерти прыгают в кострах.
И плавают над зоной разговоры
Липучие и едкие, как страх.

В болотине увяз таежный лагерь,
Закручено сплетенье душ и тел.
Земной любви неуловимый ангел
По Северу в тот день не пролетел.

Авторитетный вор

(дурачась)

Коль нечего в паскудной зоне пить,
Пора слезами глотку окропить,
В утробу непутевую пролить их...
Эй, шмуль, канай сюда,
Ты кто? — политик?..

Поэт

Я — Мандельштам! Я — лодочник,
Безумец, достигнутый зигзагом громовым!
Спалил всю лодку огненный трезубец,
И я завис над морем гробовым! —
Не перейти пучину смерти вброд!..

Авторитетный вор

Он чокнутый, кило печенья в рот!

Поэт

Я помню, в Петергофской колоннаде
Свистел ветров мучительный кларнет!
На Пасху я послал два слова Наде, —
Ответа нет, увы! — ответа нет!..

Гнусавый

Кого жалеть? Что есть в натуре баба? —
Всего лишь дырка, скользкая, как жаба!

Поэт

Не смейте! Это гнусно!

Авторитетный вор

Не дури. На, лучше, самосаду подкури...

Вор-заика

Б-бабье — они как п-плохонькие лодки,
В любовной жизни н-надобно в-весло...

Гнусавый

Залить бы, что ли, валерьяном глотки,
Да так, чтобы поносом пронесло!..

Поэт

Мне страшно здесь! Лежишь во тьме барака,
Как Гоголь, пробудившийся в гробу!

Гнусавый

О чем и речь? Зачем горбатым драка?
Тащи потом несчастье на горбу.

Авторитетный вор

Ты, говорят, был в должности поэта,
Что ж, растолкуй нам в рифмочку про это.

Гнусавый

Пусть пожует жиганской колбасы,
Чтоб укрепить поэтские басы.

Вор-заика

Жри, не д-давись. Т-трясется, доходяга.
Что делать? Жизнь — п-преподлая б-бодяга.

Авторитетный вор

Пожрал? Теперь натурой заплати:
Изобрази поэта во плоти!

Поэт

Извольте! Но едва ли вы поймете!
Поэзия не кража, не грабеж!..

Авторитетный вор
Воры, считай, жемчужины в помете,
Копни навоз, авось да разгребешь!

Поэт

Поэзии Божественные чары
Подобны вземному кораблю!..

Авторитетный вор
Оставь свои загадки для сучары,
А я и так созвучия люблю!...

Поэт

Забыл!.. Ах, да!..
На треснувшей иконе
С ухмылкой сатанинской полубог!..

Авторитетный вор
Поэт, навроде, тоже вор в законе! —
Живет себе как сизый голубок!

Поэт (*читает*)

*«Кладбище Вселенной. Полночь души.
Могут ли во мраке расцвести я?
Незрячую землю в тишайшей глуши
Наощупь находят созвездья...»*

Авторитетный вор
Не стыдно, жид! С невинными глазами
Толкаешь нам Серегу из Рязани.
Я смолоду завзятый книгочей,
Профессор ярославских уркачей!

Поэт

Есенин! Чушь! Певец святых коров!..
Поэт — как луч столетий и миров!

Авторитетный вор
Цыц! Не вертись, как устрица на блюде!
Тебя, придурка, пригласили люди,
Тебя, барбоса, слушает ворье,
Так расскажи, пожалуйста, свое...

Поэт (*читает*)

*«И глух человеческий разум, и слеп.
Мерцают просветы скупые.
Ключицы любимой и горестный хлеб
Наощупь находят слепые».*

Авторитетный вор

Над кем смеешься, лагерная рвань?
Кого дурачишь — деревенских вань?

Гнусавый

Поносник! Спер Серегины стишата! —
Обдай его баландой из ушата!

Вор-заика

Мы для н-него п-преступники, х-хамье...

Поэт

Клянусь Надеждой, это все — мое!
Я — Мандельштам! — клейменный, именной!
Весь Петроград качался, как хмельной!
Сам Блок сказал: «Строка сечет, как розга!..»

Гнусавый

Огладь его орясиной вдоль мозга!

Вор-заика

Он п-полудурок, б-брось его, н-не трожь!
Б-боюсь к-кровянки, аж в к-коленках дрожь!

Авторитетный вор

Пусть не наглет! Фраер! Тварь! Дебил!
На — получи! (*Бьет.*)

Вор-заика

Да ты его п-прибил!..

Авторитетный вор

Не будоражьте душу, Бога ради!..

Поэт

Кровь... Умираю... Передайте Наде...

Авторитетный вор

Эй, работяги! Тут один шакал
Упал и в рай небесный ускакал!
(*Ворам вполголоса.*)

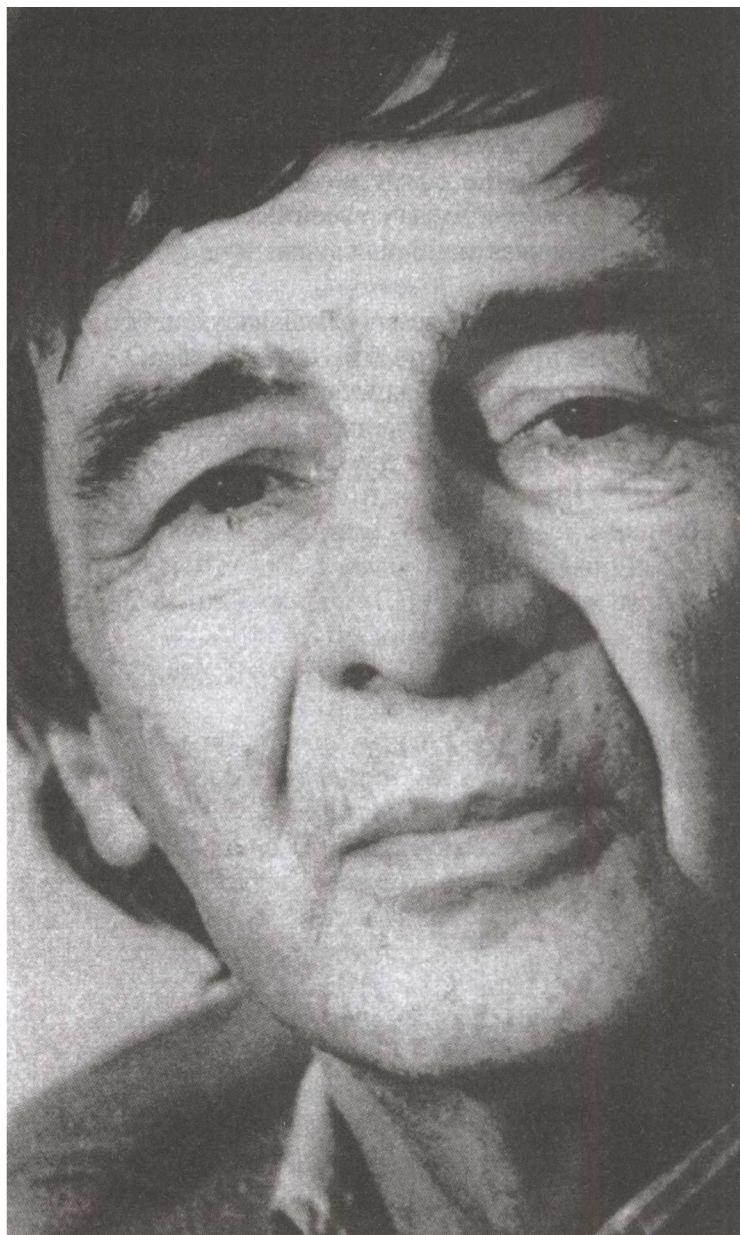
Агас! Расход! Что приуныли, братцы?
Давай, урло, запишем жида в святцы!..

Эпилог

Где тени мертвых бродят не дыша,
Где вьюга воеет лагерной сиреной,
Гори-гори, одна во всей Вселенной,
Незрячая молочная душа.

Где, говорят, земля смешалась с небом,
Где ни ходьба ни в продых, ни езда,
Над ледяным закоростелым снегом
Гори-гори, Младенчества Звезда!..

* Стихи от лица Мандельштама написаны мной. (Прим. автора.)

«ОТ РУБЛЕВА ДО РУБЦОВА...»

Стихи о России

* * *

Постигаю российскую речь,
Все глубины ее, все узоры...
А придется в землицу залечь,
Буду слушать священные хоры...
Не отступим — хоть голову с плеч!
Не дадим на поругу веки!
Да пребудет российская речь,
Как живая душа в человеке!
По-российски — шучу и скорблю,
По-российски — щенка не обижу.
Я на русском признался: «Люблю!»
Я на русском вскричал: «Ненавижу!»
Нам беречь нашу речь и стеречь,
Как лесовья, долины и реки...
Постигаем российскую речь...
Не постигнем веки...

* * *

Какая легкость в русских облаках!
Какая сила в быстроходных тучах!
Им все живое, даже гад ползучий,
Внимает с онемением в зрачках.

Ах, тучи-тучи! — дети широты! —
Птенцы неудержимого простора!..
Не отвести души моей и взора
От вашей опаленной наготы...

Вечерних четок легкие черты —
У темной непрочерченной черты —
Где нипочем пиры, долги и слава...

Ах, тучи-тучи! — русские мечты! —
Приливы темно-синей чистоты,
Просвеченные молнией кровавой!..

* * *

Русской бабе жить привычно
И привычно умирать.
Утром встанет, как обычно,
Наварить да постирать.

На Иусов лик ребячий
Материнский кинет взор.
Уберет навоз телячий,
Подметет пустынный двор.

И вздохнет. Вернется в хату.
Тихо ляжет и помрет.
И душа ее к закату
Белым облачком уйдет.

* * *

Божевильная уродина —
Кособокая ветла...
О моя родная Родина,
Как ты празднично светла!

Вся черным-черна смородина...
Вся полынь белым-бела...
О моя родная Родина! —
Предосенние дела...

На крутом краю села,
Где синица весела,
Где темнеет огородина, —

Напролет шумит ветла —
Голубой души метла!..
О моя родная Родина!..

* * *

Душе свежо и колко.
Душа — мое лицо.
Как дряхлая иконка,
Мерцает озерцо.

Потешно и лупцово
В кустах толчется пьянь...
Музейный край Рубцова!
Скрипучая тальянь!

Поморская икорка.
Домашнее винцо.
Как дряхлая иконка,
Мерцает озерцо.

Матрены тесто месят,
И щерится слепец...
И грозно смотрит месяц,
Глубокий, как рубец.

* * *

Береза-хохотушка и дубок,
Похожий на хмельного комбайнера...
Российский заштампованный лубок! —
Купите, несравненная синьора!..

Седая тучка — Божий одуванчик —
Плетется в заколдованный лесок,
А мужичок, пастух, сопливый Ванчик,
Спит, подложив корягу под висок...

Крестьянский дом, похожий на уродца...
Шучу, синьор! Нет-нет, не продается!

* * *

Н. Рубцову

Что тоскуешь, русский человек,
Над воскресной свахой-заливахой?
Ты утрись-ка, русский человек,
До пупа разодранной рубахой.

Эх, Семен! Камаринский мужик!
Милый, безобидный мужичище!
Распусти-ка лучше свой язык
Да запрячь подальше кулачище...

Далеко ли, братец, до греха,
Коли день воскресный на пределе,
Запусти-ка, братец, «петуха»
Так, чтоб бревна в стенах загудели.

*«Эх, коза! — ядрена-вошь! —
Что посеешь — то пожнешь!..
Что посеешь — то пожнешь:
Ни хрена не разберешь...»*

Эх, коза... Стекольные глаза!
Аж душа воскресшая взопрела!
Где упала шалая слеза,
Там клеенка малость прогорела.

Что тоскуешь, русский человек?
Что скрежещешь зубьями — до боли?
Все пройдет, как прошлогодний снег.
Выпьем, что ли?!..

* * *

Блаженная отчизна
И хлябей, и хлебов.
Святая дешевизна
На воздух и любовь.
Болотные затопы.
Зачумленная мга.
Сопение да топы
Сквозь цепкие луга.
Сельцо. Лесок сохатый.
Две тучки — две ладьи.
Сидит мужик сопатый —
Пьет Волгу из бадьи.
Судьбу пытается птица.
Сума пуста, худа.
«Хотится жить?» — «Хотится! —
Без жисти — никуда!»
Похмел да недомога.
Беспутство да ленца...
А к ночи — близость Бога,
Господнего лица...

* * *

От Рублева до Рубцова,
Принакрыв поля,
Тучи движутся пунцово,
Дождиком пыля...

Взгляд мужицкий, быстротечный
Полоснет, как нож...
А посмотришь: каждый встречный
На Христа похож...

* * *

В тесноте могучных роц,
В духотище банной, паркой,
Заплутал бродячий дождь —
Все постукивает палкой...
Бог сторонится людей...
И земному Богу в ухо
Стадо сирых лебедей
Дышит жалостно и глухо...
Странник слепенький спяна
Продирается к погосту,
Стонет гнучая спина —
Знать, котомка не по росту...
Слёз лазурные моря...
Ветры, бьющие тревогу,
Русь бродячая моя
Молча жалуется Богу...

*** * ***

Тучи грозные грядут под парами.
Сердце молнии свербят ножевые.
Видишь, дождики идут над полями,
Слышишь, дождики скорбят, как живые.

Мир безбожен и дыряв закромами.
Кровью ангельской судьбу оросили...
Это плачет Иисус за холмами,
Это Боженька скорбит о России.

* * *

Кровяные светы
Пышут на Руси...
Не рядись в поэты! —
Не гнуси!..

Перед гневом Бога
Сердцем не криви...
Вся в крови дорога...
Вся в крови...

* * *

Ржанец — за четыре хроста...
Забыт гипнотический кофе...
Ты, голод, — повтор креста
На русской Голгофе!..

Иконный Исус занемог, —
Похож на подбитую серну..
Всерьез ополчился Бог
На русскую скверну..

* * *

Вроде малого воробушка
Я за корочку берусь...
Ой, простудушка-хворобушка,
Продувная мати-Русь!

Вроде малого воробушка
Я прильну к земле родной!
И полна душа-хворобушка
Русской мякушки ржаной!

* * *

По всем лесам Отечества
Мои лета листая,
Качается и мечется
Осиновая стая.

Как будто ключья кружева
По всей России, —
Одни осины кружатся,
Одни осины...

*** * ***

На лугу, впотьмах, за тополями,
На пути к забытому овину
Застучали бесы топорами,
Мастерят Поэту крестовину.
Бог проснулся с важностью Аттилы,
Сделал в Божьих записях помету:
Мол, варганят русские чертилы
Рукотворный памятник Поэту.
Чу! — сучите ножками, сучите!
Прячьте в космах рожки золотые!
Эй, стучите, плотнички, стучите!
Забивайте гвоздики литые!..

* * *

Задыхало поле мглою,
Заходила хмарь,
Будто кто прикрыл полою
Золотой фонарь...

Средь равнины быстротечной
Глух и нем стою,
Будто кто закрыл навечно
Родину мою.

Где любовь моя и сила? —
Райские деньки?..
Мгла ночная загасила
Сердца угольки...

«УМОЛК ВЕЧЕРНИЙ ПТИЧИЙ ГАМ...»

Стихи о природе

* * *

Умолк вечерний птичий гам,
Вечерний птичий гам...
А Бог проходит по лугам,
Проходит по лугам...

Луга в туманной синеве,
В туманной синеве...
А Бог скрывается в траве,
Скрывается в траве...

* * *

Лучи последние померкли.
Леса к деревне подошли.
И тихо-тихо, словно в церкви
Свечу вечернюю зажгли...

Заготатали где-то кони...
И по душе проходит гул, —
Как будто кто на колокольне
Слегка веревку колыхнул...

* * *

Дождичка Божья манна
Благостна и туманна...
Падает на лесок
Жизни чистейший сок.
В дымке речных излук
Солнцем курится луг.
Кто там белеет?! Кто там
Льнет к серебристым сотам?!..
По полю напрямиком
Бог идет босиком...

* * *

Илюше Тюрину

Утро — солнечным венчиком —
В дождевом парике.
Дева с младенчиком
Идет по реке.

По задумке художника —
Сквозь радугу лет —
Золоченого дождика
Серебряный след.

Словно трепет бубенчика
Под Господней рукой,
Лепет младенчика
Парит над рекой.

* * *

Новорожденный дождичек
Предъявляет права,
Из серебряных ложечек
Пьют листва и трава.

Выбегают из логова
Детвора и зверье...
Всё, конечно же, Богово!
А точнее — мое!..

* * *

Луга дождями смяты...
Постой да помолчи...
Таинственны и святы
И тени, и лучи...
Ложбинки под ногами
Духмяны и съестны...
Опутаны лугами
Подсвеченные сны...
Лежишь под сенью стога,
Отчизнушка... Валдай...
А если ищешь Бога —
Садись и ожидай...

* * *

Объемно и бездушно
В залесье — на полях...
К полудню — слишком душно...
Лишь птицы на паях
С небесными певцами
Зовут издалека...
Линялыми песцами
Таятся облака...
Вздымай свои свистули! —
Плати за певчий хлеб!..
Чу! — ангелы уснули...
Полудень глух и слеп...
Такая синь сегодня! —
Ни зыби, ни шуги...
И пасынка Господня
Лучистые шаги...

* * *

Оглядел заплаканное поле, —
Окунулся в покаянный гам...
Застенало птичье богомолье
По лесным полянам и лугам...

Солнечные зайчики и нити
Ластятся и скачут по пятам...
Тише, птицы! — Бога не спугните! —
Он склонился к заспанным цветам...

* * *

Ветры тянут волоком
Пыльный полог неба.
Зеленеет облаком
Призрачная верба.
На поляне сумрачной —
Эфемерно, мнимо —
Скачет зайчик солнечный
С ликом херувима.
И бредет средь полюшка,
Росами куря,
Слепенькое солнышко
Без поводья...

*** * ***

Не счесть в саду, наполненном водой,
Земельных плешин.
Обижен Богом дождик молодой
И безутешен.
Молебны безутешного дождя
Покорно-четки.
Так бьют, сердца до крови бороздя,
Монашья четки.
Стоим, прощенья Божеского ждем —
Во тьме черешен.
И тихий зов, окутанный дождем,
Плаксиво-грешен.

* * *

Нынче дождь почти что солон,
Солон дождь на вкус.
Серый день слезами полон —
Плачет Иисус.

Горизонт размытый, бледный,
Хлюпающий наст..
Ишь, оплакивает, бедный,
Нерадивых, нас!

* * *

Над плещущей песчаницей,
В ауках камыша
Детдомовской печальницей
Мотается душа...

Услышь дыханья Божьего
Младенческий испуг..
На музыку помножь его —
Яви бездонный звук!..

* * *

Стою осененный, блажной и босой...
Вот-вот и закат осенится...
Цветок безымянный осыпан росой,
Прощается на ночь синица...

Планета уходит на новый виток —
Вскрывает ночную страницу..
Щади меня, Боже, как этот цветок,
И эту синицу..

* * *

В туманы ушла
Столбовыми своими шагами,
О, родина с родинкой между лосиных очей.
В скрипучих колхозах
Колдуют над жестью цыгане,
И звон их работы
Прекрасен, как поздний ручей.
Тянули возней и луной
Надо мной сквозняки сеновала,
И чьи-то ступни,
Спотыкаясь, спешили во мгле...
Шершавая осень
Сухими губами меня целовала
И вдовьими вздохами
Силу будила во мне...
В лесных проводах,
Где сорок разгоняет морзянка,
Где подле разъезда
Погоста лишайная плешь, —
Гуляй, моя осень —
В медовых веснушках пацанка! —
Из грязной ладоши
Ядреную ягоду ешь!..

* * *

О позднее поле,
Осенней души мирозданье!
Вселенная грусти
С младенческой птицей в ночи!
Бессмертно и тяжело
Забывших осин бормотанье
Над синим провалом,
Где черные ходят ключи...
Ты только возьмешь —
Уж потом нипочем не отпустишь.
Я слышу во сне, как уснули мои зеленя.
И — темная Клязьма.
И светлая звездная пустошь.
И — вздохи парома.
И потные вздрогы коня.
О чем горевать?! —
Отлетела с гусями обида,
Сквозь пасмурный день
Золотая звезда пронеслась —
Осиновый лист..
И пугливо стреляют копыта,
И ветер души
Представляет верховную власть!..
Отечество ветра —
Холодного духа свободы!
Ах, быстрая туча,
Где луч мимолетный потух...
Жесточкой жалейкой —
Рожком отошедшей субботы —
В холмистые бездны
Тебя провожает пастух...

*** * ***

**Взыграл гусиных стай гобой...
Туманом обернулся иней...
Умчался ангел голубой...
Примчался демон темно-синий...
С ним будем осень коротать —
Жестянки по ветру катать...**

* * *

Шагнул морозец синий
На лиственный настил.
Змеистый, шустрый иней
Землицу прихватил.
Скукожились борозды,
Светает поздним днем,
Горит убор березы
Рубиновым огнем.
Лучей ступни босые
Озябли в камыше.
Россия и мессия
Рифмуются в душе.
Хотел библейским слогом,
А выдохнул: «Держись!»
Мгновенна встреча с Богом,
Естественна, как жизнь.

* * *

Свистят опушки декабря,
Хрустят по пояс...
С победным криком дикаря
Промчится поезд!

Скользит бурановым пластом,
Дымит дорога...
Чу! — под малиновым кустом
Вздохнет берлога.

Закрылась белым рукавом
Изба резная,
Где дремно бредит декабрем
Труба печная...

ВРЕМЕНА ГОДА

Весна

*Сквозь птичий смех
Весна печалью светит, —
Вот-вот уйдет...*

Слиняла зима.
А солнышко — с нами.
Невинное «Ма!»
Витают над снами.
Кусок ледыша
Напомнит о многом,
И жаждет душа
Общения с Богом.
Но дьявольский дух
Всклокочен успехом!
Внезапное «Ух!!»
Взвывается эхом!
Живу — не тужа,
Как суслик под стогом,
Но жаждет душа
Свидания с Богом.
Забвенья в снегах
Опущено в Лету,
Уносится «Ах!»
По зимнему следу.
Надежды вкуша,
Возвысился слогом.
Чу! — жаждет душа
Сообщества с Богом.

Лето

*Нота лета
В ушко игольное вдема,
Как нить судьбы...*

Исчезла весна,
Как вспышка огнива.
И знойное «На!..»
Спокойно, как нива.
Отдайся судьбе —
Молитвенной йоге.
Спасенье — в себе.
Спасение — в Боге.
Теплынь на сносях
И в небе, и в поле,
Томливое «Ах!..»
От неги слепое.
Полудень в избе,
В сиятельной тоге.
Спасенье — в тебе.
Убежище — в Боге.
Удушья дни.
И дождика манна.
И молний огни —
Огни Гефсимана.
Иуда во тьме
Подводит итоги.
Молебен — в тебе.
А таинство — в Боге.

Осень

*Опустело тело —
Осень улетела
От меня...*

Уж лета канва
Овеяна тьмью.
Гусиное «Ааа!..»
Натянута тенью.
И жметя сума
К ночлежному стогу.
И жметя судьба
К нездешнему Богу.
Слезами полей
В часы половодья
Лохмотья полей,
Чащобы ошмотья.
Уйми свою шизь,
Свою недомогу,
Пусть клонится жизнь
К нездешнему Богу.
Заела вина.
Скосило от тика.
Свистит Сатана
Надсадно и дико.
Бесовский помет
Вкатился под ногу.
Мне снится полет
В чистилище — к Богу.

Зима

*Зима густа:
Ни колеи, ни следа —
Бела душа...*

Нашло, намело,
Затмило зеницу.
Постылое «О-о-о!»
Сковало землицу.
В накат занесло
В избенке досужей.
Всеядное зло
Вползает за стужей.
Вблизи и вдали,
Взвивая усталость,
Бесовское «И-и-и!..»
В ночи заметалось.
Как сон Сатаны,
Как мгла под мостами,
Снега до весны
Колотят хвостами.
Стихает чуть свет —
Ни вопля, ни воя.
На весь белый свет
Пятно световое.
Нисходит Исус
По солнечной сходне,
Клубится из уст
Дыханье Господне.

«ПОЭТ, ПОВЕДАЙ СВОЙ СЕКРЕТ!..»

Стихи о творчестве

* * *

«Поэт! — поведай свой секрет!»
«Секрет мой — в пачке сигарет!»
«А твой секрет, о плотник, в чем?»
«В хорошей чарке с первачом!»

* * *

Голодаю душой и карманом,
И желудок, понятно, пустой.
Разразиться бы толстым романом,
Как какой-нибудь пятый Толстой!
Закатиться б с жокеем в усадьбу! —
Поразмять лошадиную рать!..
А потом на крестьянскую свадьбу
По-отечески томно взирать...
Притулиться к разлапистой деве,
Что на барщину ходит полоть,
Как Адам новоявленной Еве,
Подарить ей костлявую плоть...
Только я — не эстет и не барин
И далек от подобных идей.
Я — невзрачный московский хазарин,
Если проще сказать — иудей.
За ночь высохли зимние боты,
Старый зонт растопырен, как щит...
Ровно час до любимой работы...
Чу! — Будильник под сердцем трещит!..

* * *

Сердчишко стихотворного птенца —
Всего лишь листик на осенней ветке...
А у меня — звериный нюх ловца,
Я, так сказать, лазутчик, я — в разведке.

Бумага и машинка на столе.
Ясна задача. Ритм и рифма — «в теле»...
Нет искренности в нашем ремесле!
Есть **результат** в безбожном нашем деле!

*** * ***

Брел оборванец по земле
В кругу семи ветров,
Он смачно грелся на золе
Притоптанных костров.

Любил он, глядя на дымок,
Ладоши потирать,
И ничего уже не мог
Он больше потерять.

Господь и царь — из сердца вон...
Любимых — черт побрал!..
И над золой склонялся он,
И, как дитя, смеялся он, —
Ладоши потирал...

* * *

Скажу, что слишком тяжело мне —
Почти солгу:
Как каторжник в каменоломне
Я жить могу.

Мигнет из каменного праха
Глазок цветка...
И на весу — дрожа от страха —
Замрет кирка.

* * *

Был послушным послужником —
Шел по жизни за посохом.
Стал мятежным ослушником —
Восхитительным олухом!..

Ждет смутьяна-художника
Путь нежданный, нечаянный...
И зовет его Боженька —

Сам такой же отчаянный!..

ПЕРЕДЕЛКИНО

Лесная чаща без приметы.
Вот этой ломаной тропой,
Как сохачи на водопой,
На полустанок шли поэты.

Хрустел звериный шаг скупой,
И были в сумерках заметны
На лбах морщины, как заметы,
Лосиных глаз распах слепой...

Пичуги били из кювета...
Плыла медлительная Лета —
Река, невидная собой...

И клокотали до рассвета
Колокола лесного лета —
Зеленой Родины прибой...

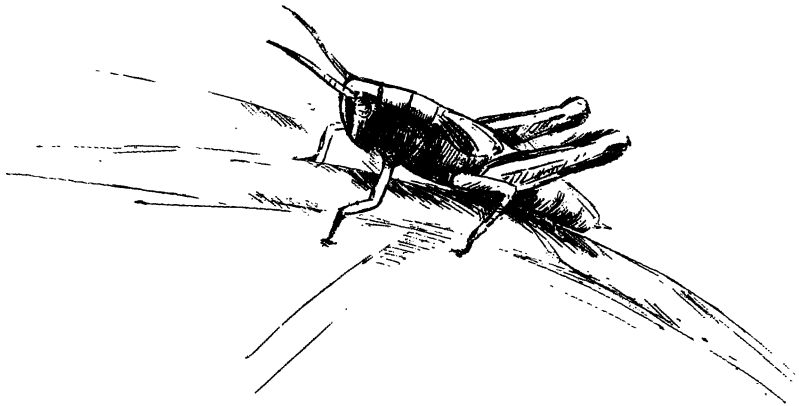
* * *

От жилья наискосок,
Меж пяти холодных речек,
Меж пяти песчаных печек
Позабудусь на часок...

Красный август невысок.
Здесь пульсирует кузнечик,
Справедливый человек,
Лета здешнего висок.

«Ты поведай, русский пленник,
Несмышленный откровенник,
Что я? Кто я? Чья душа?!»

«Ты — великий человек! —
Неопознанный кузнечик! —
Луч в просветах камыша...»

*** * ***

**В зеркало степного колодца
Проникну, как в детские сны...
Я — пасынок русого солнца
И пасынок рыжей луны...**

**Я — Боженька, гость, полукровка,
Не ведаю сам, кто таков...
Как некая божья коровка,
Всползаю по стеблю веков....**

* * *

Талант, по сути, толст.
А гений — тощ, как щепка.
Неважно, что там: холст,
Поэма, fuga, лепка.

Судьба, как дышло в бок, —
Что дали, то и схавал...
Талант по духу — Бог,
А гений — сущий Дьявол!

* * *

В карманах у Поэта — ни хруста.
Он жалкое подобие Христа.
Среди бычков, обедков и бумаг
Спит Магдалина голая впотьмах...
Иди, Поэт, в казенный блеск палат! —
Там ждет тебя издательский Пилат!..

* * *

Жандарм сыграл сквозную роль.
Позорно струсил газета.
Смолчал запрошенный король.
Все отмахнулись от Поэта...

Храпит Поэт!.. Житуха — во!..
Над ним хоров небесных спевка...
А кормит гения того
Одна лишь уличная девка...

* * *

Заявился в обличье козла:
«Не желаю писателю зла! —
Я — породушки русской!..
Выпей свой отвратительный бром
И ступай между злом и добром
По тропиночке узкой...»
«Хорошо, — говорю, — я иду,
А куда, извините, приду?!..»
Он проблеял: «Без цели!..
«А-а! Тогда не взыщите, сатир! —
Жизнь — такой изумительный тир! —
Все мишени — в прицеле!..
Оскорбился нездешний козел,
Взмыл над гладью болотных озер...
Взмыл... надулся... И — жажнул!..
И такую струю проволок,
Что парящий малыш-ангелок
Изумился и ахнул!..

* * *

Жизнь долбила кайлом в два бока...
И затурканный наш народ
Сатану принимал за Бога,
Или чаще — наоборот.

Бают, видел Поэт спросонок,
Одурев от поэтских дел,
Как в ночной небосвод бесенок
Золотые крыла воздел!..

*** * ***

Ангел дудочку воздел —
Полетел за мной:
«Отдохни от глупых дел,
О Поэт земной!..»
Загундосил сивый бес —
Поскакал за мной:
«Не видать тебе небес,
О чудаке земной!..»
Задевая за бока
Пуганой сосны,
Затолпились облака,
Валкие, как сны...
И бежит из детских лет
Песня-колобок:
«Что печалишься, Поэт?! —
Или ты — не Бог?!..»

* * *

Увидел я себя со стороны
В предательском свечении луны:
Стою, прижат к распятию спиной,
Две бездны — надо мной и подо мной...
И призрак ночи с отблеском дневным
Дух опалил дыханьем ледяным...
Наверно, это вовсе и не я,
А лишь судьба заблудшая моя...

* * *

«Пиита, веришь в Бога?» —
Тишком спросили сбоку.
Увы, не верю в Бога,
А просто верю Богу...
Он — Бог — всегда во мне, —
Как эта даль в окне.

* * *

Поэт — библейский фолиант:
Столетия сжаты до мгновений.
Растаял облачный талант —
Душа светла, как денный гений!

Предвижу Божий вариант:
Слепец со зрением пророка
Раскроет Божий фолиант
И огласит его до срока!

* * *

Под выдохи Ильи Громовика
Журчала речь — небесная водица:
«Ты должен умереть, чтоб возродиться —
И жить — века...

Ищи, Поэт, свой крест или осину! —
Из мук произрастают имена!..
Так пасынку.. то бишь, земному сыну,
Я нашептал в былые времена...»

Под выдохи Ильи Громовика
Журчала речь — небесная водица..
Взгрустнул Поэт... Ах, дернул черт родиться!..
Прожить бы день... На что ему века?!

*** * ***

**Все больше морщинок на старой Луне,
Эпохи спешат, семена..
Подайте, подайте, беспутному, мне! —
Во имя святого меня!..**

**Гнилую картошку пекут на золе
Бродячие ангел и бес..
Подайте, подайте беспутной земле
Во имя святейших небес!..**

«Я ЗАГЛЯНУЛ В ЗЕРЦАЛО БЫТИЯ...»

Философская лирика

*** * ***

**Я заглянул в зеркало Бытия...
Прозрачный звон слегка коснулся слуха...
Чу! — за спиной стояла побируха!
«Ты — Смерть моя?» — едва промолвил я.
«Я — Жизнь твоя...» — прошамкала старуха.**

* * *

Кто толчется у дверей
Шито-крыто, как еврей?
Кто там круть да верть? —
Ты, подруга Смерть?

«Не бойсь, что я с косой,
Не дичись, что глаз косой...
Я не Смерть, а Жизнь!..
Что, признал, кажись?!..»

*** * ***

Мне назойливая муха надоела,
До отвала попила меня, поела
И над ухом, ненасытная, жужжит...
Мне противно, я устал, как Вечный Жид.

Кто-то сзади кашлянул и молвил глухо:
«Отче правый! Ну какая это муха?
Вас слушаешь — хоть со смеху ложись!
Это Жизнь, мой неразумный! Это — Жизнь!»

*** * ***

Обшарпан и нелеп, как силосная башня,
Незрячий спросил: «А что там, за холмом?»
Чур, знаю — не скажу. Но, ежели с умом,
Не все ли нам равно, а что там — за холмом, —
Не ведает никто... Наверно, просто — пашня...

*** * ***

**«Как хороша над морем лунность!» —
Вдыхала юность.**

**«Я пью за дружество и смелость!» —
Басила зрелость.**

**«Умрете все!» — глотая ярость,
Шипела старость.**

*** * ***

**Я ворону крикнул: «Здорово, старик!»
Но ворон степной не услышал мой крик.**

**Я крикнул утесу: «Здорово, старик!»
Гранитного слуха не тронул мой крик.**

**Я солнышку крикнул: «Будь славен твой век!»
И ветер ответил: «Молчи, человек!»**

*** * ***

**Бурый ворон! Пропадающая птица!
Сердце сковано высью.
За веками размыта граница
Между смертью и мыслью...**

**Жизнь — долга. Да и степь — не короче.
Страшен крест милосердия!..
Смертной пленкой подернуты очи...
Пропадешь от бессмертья!**

* * *

Вечная тема моя —
Зеркало, ворон, змея.

Стало быть, в этом я — спец
(Зеркало. Ворон. Слепец.).

Мерзну под лестницей я
(Зеркало... Ворон... Змея...).

Хрупаю постный супец
(Зеркало. Ворон. Слепец.).

Сыто глумятся друзья
(Зеркало, ворон, змея).

Дарит монетку скупец
(Зеркало! Ворон! Слепец!).

Спит Магдалина моя
Зеркало... Ворон... Змея...

* * *

Старец говорит: «Каменею, терпя.
Чую земляной холод».

Дева говорит: «Полюбила б тебя,
Если бы ты был молод».

Дева говорит: «Грудь от жажды горит!..
Перейми мою жажду!..»

Старец говорит: «Нас луна укорит.
От ее луча стражду».

Старец говорит: «Кто такое Господь?! —
Утро нам сулит муку».

Дева говорит: «Погаси мою плоть...
Положи на грудь руку...»

Дева говорит... Старец говорит...
Брачный небосклон синим льдом горит...

Ледяная близь... Ложе!..
Как смертельна жизнь!.. Боже!..

*** * ***

**Торчало солнце смешным бугром,
Был лес, как витязь, рекой обвязан,
Но в ясном небе прогаркал гром:
«Рожденный ползать — взлететь обязан!!..»**

**Рванулся к небу ползучий гад!..
Прижала гада земная сила!..
Цикады прянули наугад...
Лягуха в травах заколесила...**

Не дай нам, небо, земных наград!

* * *

Судьба Венере обрубилa руки,
Чтоб не ласкала смуглого подпаса,
Чтоб не хлебнула бабьего позора,
Чтоб не стонала: «Я — твоя рабыня!..»

* * *

Среди катастроф и смещений
И прочих космических дел
Витает лирический гений, —
Какой допотопный предел!

Осины осенняя алость...
Овражек звенит ключево...
Попробуй убрать эту малость —
И в Космосе нет — ничего.

* * *

Со скоростью света наука
Ворвется в трехтысячный год.
А древность со скоростью звука
Конечно же, в Лету падет.

Но ты содрогнешься, потомок,
Когда через сердце твое
Державинской оды обломок
Пройдет, как живое копьё!

* * *

Считай судьбу наукой.
Чу! — средь ночных миров
Ты подтверждаешь мукой,
Что жив ты и здоров.

Ты должен свежей болью
Примять былую боль...
Присыпать раны солью...
Не в том ли жизни соль?!

*** * ***

**Когда всосала водяная яма
Весь белый свет, все тяготы его,
Последний ангел захлебнулся: «Ма-ма!»
Последний демон задохнулся: «Ма-ма!»
И на земле не стало никого.
И только лучик нынешней звезды
Коснулся той, ниспосланной, воды.**

*** * ***

**Створки раковины мироздания
Приоткрылись...
И сгустки сознания
(Той летучей жемчужины след)
Расчленились на тысячи лет,
Разложились на мрак и свет...**

*** * ***

Роптало, скрежетало, свиристело,
Кромсало атмосферные слои
Кривое, сверхфизическое тело,
Влекущее условности свои...
На скалы, потемневшие от гнева,
Надвинулся приплюснутый овал...
И гуманоид властно крикнул: «Ева!!»
И, как планету, яблоко сорвал!

* * *

Пустыню искрами осыпал НЛО!..
Ночная мгла забилась, как в падучей!..
Запела Соломоновой пастушкой,
Заплакала подранным ребенком,
Разбойником безбожным расшвыталась!..
Крысиный писк растаял в пыльном небе...
Сухая пыль осыпалась во тьме...

Иуда от подземного толчка
Проснулся... Замычал от скотской боли...
Оперся на руки: о-о! Два тупых гвоздя
Торчали в очугуненных запястьях!
Хотел вскочить: о, каждая ступня
Пылала, точно чертово копыто,
Как если б капли олова прожгли
И шкуру, и растянутые жилы!..
Он силло возопил: «Я трижды прав!
Ты лицемер! Ты подлый искуситель!
Трусливый и разнузданный ханжа!..»
И рухнул, омываясь липким потом,
И терся лбом о скомканное ложе...
Заметил на подушке — кровь, не пот,
Кровь, а не пот! И потерял сознание!..
И захрипел... И где-то взвыл кобель...

Я счастлив, мой тринадцатый апостол! —
По-школьному незрячая любовь...
Прощаю слепоту и глухоту,
Твой бред ночной улыбкой отгоняю,
Целую руки искаженные твои,
Ступни твои дыханьем охлаждаю...
К тому же не забудь, что НЛО —
Лишь плоская вселенская тарелка
Из плоских местечковых анекдотов!

А я — увы! — программа НЛО! —
Я — вымысел носатого народа!
А разве можно вымысел предать?
И нет гвоздей в твоих запястьях детских...
И ноженьки усталые стройны...
Спи, мой дружок, все будет хорошо!
А я подсяду к старому торшеру
И закурю. И все начну сначала.

Пустыню искрами осыпал НЛО!..

*** * ***

**Над пышностью искусств, над сухостью наук,
Как будто где-то вне... в абстракции... вдали...
Вселенство во плоти настырно, как паук,
Сосет из года в год живую кровь Земли...
Спаси людей, Любовь, от непотребных мук! —
От Жизни исцели! — от Смерти исцели!..**

ГОМЕР, БЕТХОВЕН, ПРИРОДА И АВТОР

*Природа слепая,
Как всевидящий мастер Гомер.
Природа глухая,
Как всеслышающий мастер Бетховен.*

Гомер — незряч. От жизни отлучен.
И потому Христа провидит он.
Он только написать его не смеет
(Быть может, и захочет — не сумеет)...
Христос на раны круто сыплет соль,
Черны речей подземные ключи,
Вокруг него растет из боли боль,
И в страхе суетятся палачи.

Бетховен, так сказать, безбожно глух,
А потому имеет высший слух!
И он импровизирует Христа...
Журчат речей арычные ключи...
Душа Христа — расхристанно проста,
И от души смеются палачи...

Слепа, глухая, но дерзостна Природа! —
«Пришелец тот был неземного рода! —
Не зря трещали сполохи в ночи!..
Все было, есть и будет — под вопросом!..
Но знайте: под мистическим гипнозом
Бессмертный крест вбивали палачи!..»

А где же автор? — что добавит он?..
...Родился я и погрузился в сон...
Я был своим рождением изнурен
И усыплен... Судьбы моей орбита
Мерцала, как молочная река...
Но видел я: сквозь веки, сквозь века —

Тебя, иконописная доска! —
Безвольное лицо гермафродита
С отметиной проказной у виска...
И он предостерег меня перстом!..
И понял я!.. Но это все — потом...

* * *

Рябины кисть,
Созревшая до срока,
Темна, как мысль
Библейского пророка.

А листьев медь,
Взлетающая снова,
Легка, как смерть
Отшельника лесного.

В свой тайный час,
В любое время года
Копируй нас,
Художница-природа!

* * *

Все мы смертны, к счастью.
Прав елейный бес.
Все мы станем частью
Трав, морей, небес.

Удобрим породу,
Почву на Руси...
Утомить Природу —
Боже упаси!..

* * *

Все гениальное просто:
Голуби, стены Кремля...
Небо — высокого роста,
Малого роста — земля.

Вспомните Роберта Фроста! —
Фермер! Крестьянский атлант!..
Все гениальное просто, —
Сложным бывает талант!

* * *

Стусок Солнца гениальный
И времен тугая нить...
План Природы генеральный
Никому не изменить.

От Природы — страсть и роды,
Вечный труд и забытье...
Даже Бог — дитя Природы,
Щедрый вымысел ее.

* * *

Облачные роспади.
Лик Луны — белёс.
Засвети, нам, Господи,
Троицу берез!

Вечная дороженька.
В небе — ни души...
Озари нас, Боженька! —
Страхи приглуши...

То ли ветер мается
Во поле пустом?
То ли Божья Мамица
Стонет под крестом?!

Облачные роспади.
Млечный Путь — белёс...
Плачу, сын твой, Господи,
Кровью вместо слез...

* * *

«Отче!...

Дозволь от земли оторвать преклоненные очи!..»

«Сыне! —

Ты можешь ослепнуть от солнечной праведной сини...»

«Отче...

Дозволь заглянуть в непроглядные пропасти ночи...»

«Сыне! —

Душа охладится от лунной губительной стыни...»

«Отче...

Какая дорога к тебе по-земному короче?»

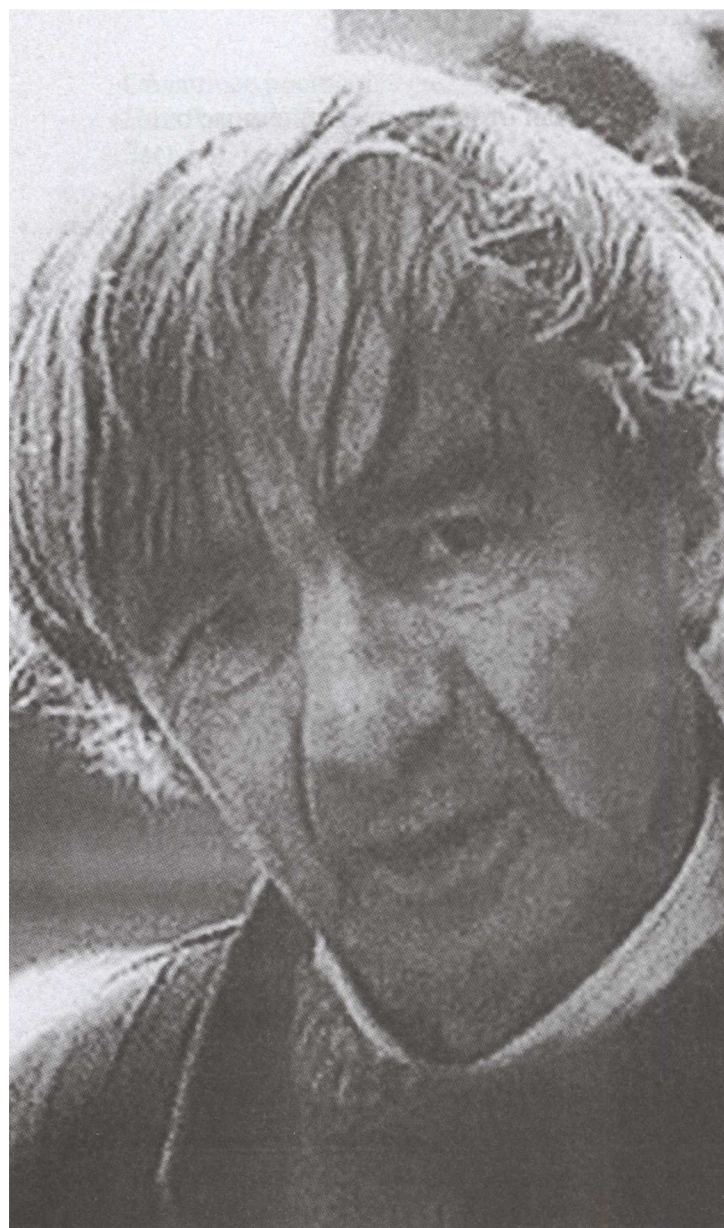
«Сыне! —

Последуй за тем, кто блуждает в житейской пустыне...»

«Мне стыдно, Отец мой!..

Я глаз от земли не подьемлю!!!»

«Люби свою землю!.. Люби свою землю!..»

**О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
ЮРИЯ ВЛОВОДА**

Статьи, интервью, послесловия

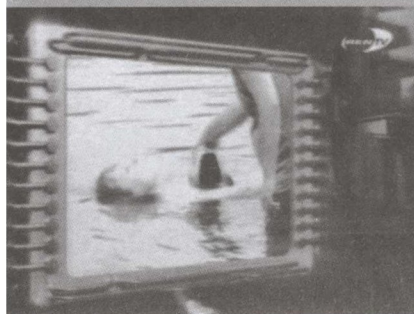
КАДРЫ ИЗ ПЕРЕДАЧ «НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ» (РЕН-ТВ) И «НЕОБЪЯСИМО, НО ФАКТ» (ТНТ)

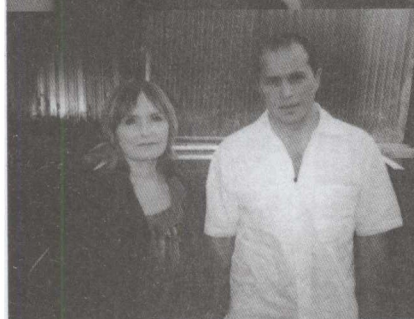
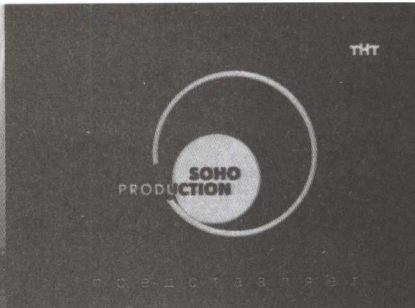

У Юрия Влодова не только необычная жизнь, но и необычная жена. Людмила Влодова обладает уникальным, сверхфизическим свойством: ее тело не тонет в обычной пресной воде. Поэтому телевизионщики и киношники интересуются не только поэтом, но и его женой.

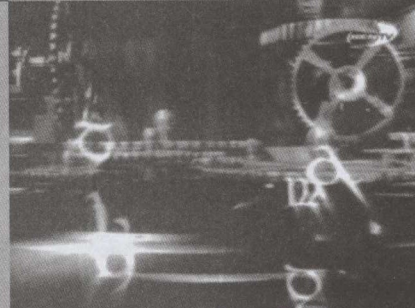

На канале РЕН-ТВ в сентябре 2005 года в передаче «Невероятные истории» был показан сюжет «Непотопляемая» о необычном свойстве Людмилы.

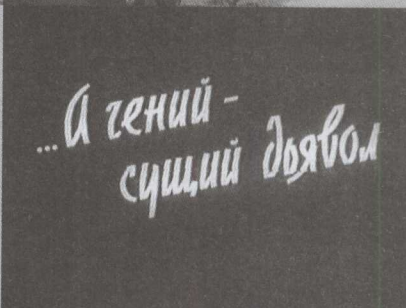
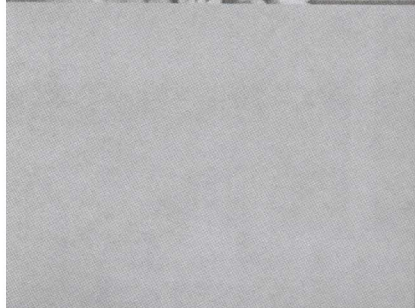

На канале ТНТ в августе 2007 года в передаче «Необъяснимо, но факт» Людмила стала героиней сюжета «Люди X — 2», рассказывающий о людях с необычными способностями.

КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА
«...А ГЕНИЙ — СУЩИЙ ДЬЯВОЛ!...»

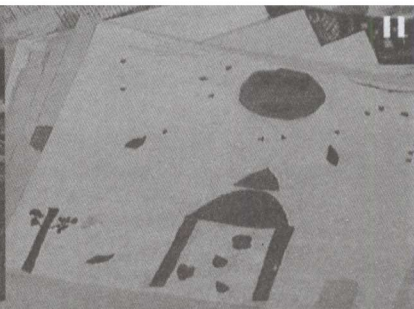

В 1995 году киновидеостудия «Человек и время» сняла о поэте черномбельый кинофильм «...А гений — сущий Дьявол!...».

Фильм был показан на фестивале документального кино в Екатеринбурге и занял 2-е место.

**КАДРЫ ИЗ ПЕРЕДАЧИ
«Я ВАМ ПИШУ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО» (РТР)**

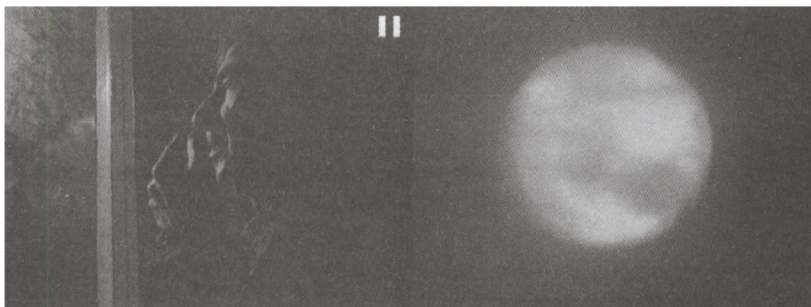

||

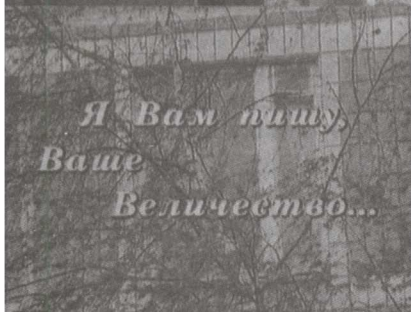
*СТИХИ
Юрия ВЛОДОВА
читал
Роговд СУХОВЕРКО*

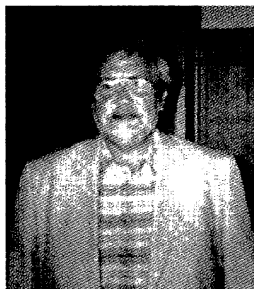
В начале 1990-х Российское телевидение и объединение «Лад» сделали о Юрии Влодове получасовую передачу «Я Вам пишу, Ваше Величество».

В феврале 1993 года передача вышла в эфир.

Равиль Бухараев

поэт, прозаик, публицист,
продюсер Русской службы Би-Би-Си

«Я — ЖИЗНЬ ТВОЯ...»

(о стихах Юрия Влодова)

В советские времена, отбиваясь от молодых и не слишком молодых стихотворцев, упорно разносивших свои рукописные и отпечатанные на пишущей машинке стихи по журнальным редакциям, поднаторевшие редакторы в один голос говорили: «Поэт — это в первую очередь биография!» После этого следовала рекомендация — податься в народ, чтобы впредь писать не «из книг», а «из жизни». Сама по себе эта рекомендация имела под собой безусловные основания — пишущий народ слишком часто принимает за дар Божий само желание «быть поэтом».

Однако разобраться в том, кто настоящий поэт, а кто стихотворец по выбору, так же непросто и сегодня, как это было в античные времена. Поэт не выбирает — быть ли ему откровенным в своей, сродни недугу, жалости к тварному миру — он просто не может иначе, даже если это чревато тем, что не поймут, а то и осудят люди, живущие по неписанным правилам той азартной игры, которую большинство считает жизнью. Как говорил вольнолюбивый Гекльберри Финн: «Будь у меня собака такая же назойливая, как совесть, я бы ее отравил». Каково же поэту среди легиона имитаторов, лихо изображающих всяческого рода откровенность; каково человеку, который видит эту похотливую фальшь насквозь и всем своим существом осязает, что в подобной атмосфере и его выстраданные, и, как всякая правда, губительные для собственного житейского благополучия слова могут быть приняты за имитацию?

Святые места
Беспределья и блуда.
Окликнешь Христа —
Отзовется Иуда.

Юрию Влодову не нужно было придумывать себе биографию, когда он впервые соприкоснулся с миром профессиональной литературы. В начале шестидесятых он появился в подмосковном писательском поселке Переделкино после своей пестрой, как у Франсуа Вийона, в полных неладах с законом жизни и потому уже тогда, в поздней молодости, знал жизнь, какова она всегда была и есть, несмотря на ее разнообразную внешность. Жизнь человека — она всегда по сути жизнь библейская, где на каждую надежду и на каждую радость полной мерой отмечено всякому смертному и горя, и разочарований, и одиночества в житейской пустыне.

Собутыльник лапотных кудреев —
Я кружу — с котомкой — налегке, —
Самый беспробудный из евреев,
Мыслящих на русском языке.
Я пою дворцы моей эпохи,
Славлю тараканьи закутки:
Есть в моей котомке хлеба крохи, —
Рукописей старых лоскутки.

Бывают, однако, поэтические биографии, которые своей сложностью и неотмирностью заслоняют самого поэта и его стихи. Жизнь Юрия Влодова достойна пера Достоевского или Астафьева, но для меня как читателя его стихов она — далеко не главное. По словам самого Влодова, он ушел из бластного мира, потому что его потянуло «в более интересные места». Во всей этой вийоновской пестроте, в которой мелькает и дальше родство с одесским Мишкой Япончиком, и близкое знакомство с Чуковским и Пастернаком, и совсем уж неприкаянное бездомье в советской действительности, видится и чувствуется одно: похоже, что человеком и поэтом Юрием Влодовым всегда руководило единственное желание — желание быть подлинным, а не придуманным по чьему-то шаблону. Только свобода подлин-

ности, куда бы она ни завела в реальной жизни и среди реальных людей, дает человеку возможность быть по-настоящему открытым душой, ибо такая открытость — событие, а не проходной разговор случайных попутчиков.

Отверженность от «общества» могла быть выбором самого Юрия Влодова. Но его подлинная драма в том, что его, очевидно талантливого и предельно при этом искреннего поэта, отторг от себя и «более интересный» мир литературы.

В те годы, когда он пришел в литературу, в ней царили поэты военного поколения и, казалось бы, ему, поэту военного детства, было в ней место. Тогда это и называлось по-военному — «попасть в обойму». Однако, при всем уважении мэтров к его незаурядному дару подлинности, никто не потеснился тогда. Это, как видно по стихам Юрия Влодова, стало ему очередным библейским уроком и навсегда определило его состояние — быть верным собственному пониманию литературы несмотря ни на что — вплоть до, словами Пастернака, «полной гибели всерьез». Можно по-разному относиться к тому, что, по собственному признанию, он за кусок хлеба и ночлег, бывало, «писал за других». Во всяком случае, для него самого это могло быть доказательством того, что он умеет все и гораздо больше, чем многие из «признанных» поэтов. То, что он на самом деле чувствовал при этом, вполне осязается из сокровенной горечи его эпиграмм и его последующих попыток ставить себе собственные поэтические задачи — например, написать цикл «Портреты». Влодов — профессионал, и у него все задуманное получается. Но когда он подпадает под единственную власть, с которой не может справиться и от которой не может отмахнуться, — власть собственного дара Божьего, мороз по коже:

Я заглянул в зеркало Бытия...

Прозрачный звон слегка коснулся слуха...

Чу! — за спиной стояла побируха!

«Ты Смерть моя?» — едва промолвил я.

«Я — Жизнь твоя...» — прошамкала старуха.

Очень легко увлечься биографией Юрия Влодова и при этом не увидеть и не понять, что эта драматическая биография в отношении к его стихам важна не сама по себе, но как выстраданное

право говорить о Любви к своему отечеству, не сделав из этого, как иные, профессии. Казалось бы, вся жизнь Влодова, создавшего бессмертные строки «Прошла зима, настало лето, спасибо Партии за это!», давала повод присоединиться к легиону топтателей святынь в начальной кромешной бесовщине постсоветского времени, когда приклатненность стала новой обывательской модой. Но не Юрию Влодову было следовать за модой, иначе не задавал бы он себе вопросов о смыслах и бессмыслицах бытия, искони терзающих российского человека и никак, вот ведь, не позволяющих этому человеку стать обывателем западного типа. Не потребительской свободы ведь жаждет человек, воспитанный на традициях русской поэзии, а воли — истинного счастья и губительного восторга воли. И кто воистину искал — знает: нет воли иначе, чем в неволе Любви.

Эта книга, которая столько лет ждала читателя, вся исполнена выстраданного света, ибо свет миру чаще всего исходил и исходит только из страдания и сострадания, и не иначе. Кто по себе знает, что такое есть человек, не станет спрощать ненавидеть или презирать людей. Сдается, что теперь — даже в нынешнее время — стихи Влодова о войне и военном детстве станут хрестоматийными гораздо быстрее, чем даже его чеканные эпиграммы и его философские стихотворения. Именно потому, что российский читатель в тоске по святыням уже истрадался по такой светлой простоте, по такой естественной и бесстрашной в своей детской наивности искренности.

Бьет из пушки профессор физмата,
 Как заправский какой душегуб...
 И невинное облачко мата
 С черно-белых срывается губ...

Орудийная смолкнет болтанка,
 И оттают потом, по весне,
 Мертвый след непомерного танка
 И лучистый осколыш пенсне...

Совершенно непонятно, почему эти и другие стихи Влодова не попали еще тридцать лет назад в многочисленные антологии стихов о Великой Отечественной...

Так уж, видно, написано Влодову на роду — не быть поэтом обоймы, даже если это, по определению Ю. Беликова, обойма так называемых «дикороссов», которым никакой закон — ни общественный, ни литературно-цеховой — не писан.

При всем очевидном духовном родстве с Есениным и Рубцовым Влодов не попадает и в этот очерченный круг, потому что, хотел он этого или не хотел, он всегда заступал за любой круг, за любую попытку определения.

Считается, что известность — проявление справедливости к поэту. Но сами поэты, да и все люди искусства, знают, что известность не приходит сама в человеческое одиночество.

Ее, так или иначе, нужно добиваться общением с людьми своего круга и своей профессии. А что, если неукротимое стремление на волю всегда выносит человека из любого круга, из любого набора условностей, из любого общения, в котором есть хоть капля фальши? Человек, который написал «Под нашим красным знаменем гореть нам синим пламенем», не мог стать персонально известным, подобно Евгению Евтушенко, потому что тогда, в силу той самой справедливости, это и другие его «народные» двустипшия не стали бы в такой степени фольклорной частью народного бытия.

Парадокс в том, что имя поэта отторгает его от народной стихии, ставит особняком — и это тоже цена «известности». Сколько людей поют Есенина, считая, что у песни «слова народные»? В той отрешенной собственной вечности, в которой живет всю жизнь Юрий Влодов, что предпочел бы он, будь у него выбор, — известность своих стихов или собственную известность? Таков был его жизненный крест, а уж он-то знает, что крест не выбирают.

Юрий Влодов всегда отстаивал право быть только самим собой и заслужил его. Но в этой борьбе, а то и войне с миром он заслужил еще одно, главное для поэта право — на выражение истинного, а не показного сострадания к людям и Отечеству. Тем самым людям и тому самому Отечеству, которые причинили его душе столько горя и даровали столько невыносимой в своей подлинности и горечи Любви:

Сердце зашлось от вороньего плача,
Пьяненький дождь похромал;
Сивая туча — сивушная кляча —

Слепо скользит по холмам;
Я же твердил вам, бухие разини:
«Крест под собой не руби!..»
Молча курю на поминах России,
Как на поминах Любви.

«Се — человек», — помним, где это сказано. «Се — Человек», — говорит и Юрий Влодов своими стихами. Не больше, но ведь и никак не меньше. Подлинная святыня, если она есть в душе, сильнее человека. Уже за доказательство этого полузабытого факта бытия должно благодарить — Бога за то, что дает человеку дар, и — человека, когда он, как настоящий поэт Юрий Влодов, вопреки всем казням судьбы осязает благотворную бесценность этого дара.

*4 апреля 2007 года
Лондон*

Евгений Лесин
поэт, журналист,
главный редактор НГ — Ex libris

«А БОГ СКРЫВАЕТСЯ В ТРАВЕ...»

Юрий Влодов — человек-легенда и поэт-легенда. Он один из тех, кого раздирают на цитаты, а имя стараются не упоминать. Его все знают, но знание свое скрывают или не догадываются о том, что знают. Потому что часто знают только стихи, а не фамилию автора.

Поэта Юрия Влодова я знаю давно. Еще в юношеские годы слышал его афоризм: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это», который мне надолго запомнился. Также мне

было известно стихотворение «Памяти маршала Жукова», которое ходило по рукам. Но не только эти стихи муссировались среди представителей тогдашнего андеграунда.

Были еще и «Мне пришла фантазия...», «Пришли из ЖКО к Эзопу...», «Ленин во мне», «Химик». Имя Юрия Влодова в 1960—70-е годы гремело по всей диссидентской России. Конечно, со временем им заинтересовались соответствующие органы, и судьба поэта была предрешена. Ему закрыли возможность полноценно печататься, издаваться, вступить в Союз советских писателей. Жизнь поэта продолжалась в подполье, почему он собственно и неизвестен сейчас среди широкой общественности. Даже в литературных кругах его знают не так хорошо. А жаль! Это прекрасный поэт с великолепной классической традицией. У него огромное количество стихов, к сожалению, большая часть их так и осталась в рукописях. А у него есть чему поучиться и начинающему поколению, и уже сложившимся литераторам. Стихи его берут за душу не только своей образцовой формой, но нестандартным содержанием.

Юрий Влодов в совершенстве владеет таким сложнейшим для любого поэта элементом стихосложения, как рифма: «дождичек — ложечек», «права — трава», «гам — лугам», «логова — Богова» и т. д. Но не только рифма подвластна перу Юрия. Помню одно его стихотворение, где практически каждое слово начиналось с одной буквы, с буквы «к».

Копоть, кочевники, кости,
Кипень клыкастых кобыл,
Кони копытами косят
Квельый калмыцкий ковыль.
Ковано кинутся кони,
Кислым кумысом клубясь,
Кто же колеблется, коли
Колосом клонится князь...
и т. д. (еще две строфы).

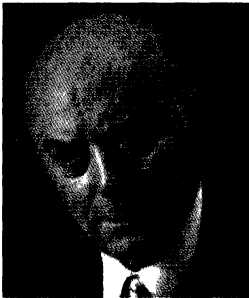
Юрий Влодов увлекался еще и тем, что отключал в своих стихах целую букву. Многие знают целый цикл его стихов, написанных без буквы «р». Причем стихи эти совершенно естест-

венны, и кто не знает об этом, может даже совершенно не заметить отсутствия целой буквы.

Также в юношеские годы он прошел период увлечения асонансами и в его творчестве были так называемые модернистские стихи. Со временем он отказался от многих экспериментов в области формы, вернулся к вечной — классической, но стал уже экспериментировать в области содержания, в области мысли, идеи.

«А Бог скрывается в траве», — написал Влодов, и более точного определения нет, по-моему. Черт может прятаться где угодно, хоть в деталях, хоть в теленостях. А Бог — только в траве. Влодов и сам такой. Почва и судьба. Река и дерево. Жизнь и трава.

*9 апреля 2007 года
Москва*

Кирилл Ковальджи

поэт, прозаик, главный редактор
интернет-журнала
«Пролог»

«ВСЕ ХОРОШИЕ ПОЭТЫ НЕОБЫЧНЫ...»

Все хорошие поэты необычны, а Юрий Влодов — особенно. Эта его разительная необычность настолько не в «формате», что его поэтическая судьба сложилась несправедливо. И в советское время, да и сейчас Юрия Влодова печатают с трудом, чуть ли не в порядке исключения.

Талант его очевиден. Образность, темперамент, новизна — почему же так «смушались» редакции журналов и издательств? Думаю, дело в свободе. В свободе Юрия Влодова от определенных литературных традиций, от определенных идеологических уста-

новок. Литературная публика привыкла к определенности: Евтушенко — передовой, Куняев — реакционный, или наоборот: Куняев — патриот, а Евтушенко — флюгер. Я уже не говорю о «школах» — постмодернизме, концептуализме, метаметафоризме, минимализме и т. п. В текущем литературном процессе Юрий Влодов одинок. У него свой поэтический мир, ему присуща лирическая дерзость, спорность. Он то очаровывает, то шокирует.

Непредсказуем.

Если читатель, открыв для себя поэта, найдет к нему ключик, — он будет вознагражден. Юрий Влодов обновляет взгляд, освежает слух, будит мысль и воображение. Он будоражит. Тем он и ценен. Он поэт. Он давно состоялся, пусть эта книга поможет ему выйти из тени...

*1 марта 2007 года
Москва*

Людмила Осокина
поэт, журналист

ОН ПОБЛАГОДАРИЛ ПАРТИЮ ЗА СМЕНУ ВРЕМЕН ГОДА

Все знают такие строчки: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!» Но мало кому известен их автор — поэт Юрий Влодов. Его обошла в свое время массовая известность, которая выпала на долю его сверстников — поэтов-шестидесятников: Евтушенко, Вознесенского, Рождественского...

Но, может, это и к лучшему: без помех, в «тиши» вокзалов и подъездов, во мраке советского андеграунда выросла и окрепла его поэзия.

— Юрий Александрович, у вас очень богатая и творческая, и жизненная биографии. Хотелось бы не погрязнуть в этом биографическом сумбуре и в то же время не упустить моментов действительно важных.

— Начну с того, что я родом из театральной семьи: мать — актриса Надежда Надеждина, отец — режиссер Александр Захарович Влодов. Фамилия моя — Влодов — редкая, потому что придуманная, родилась она из театрального псевдонима, а настоящая фамилия моего отца — Левицкий. Он был племянником знаменитого одесского гангстера 20-х годов прошлого века Мишки Япончика, с которого Бабель написал своего Беню Крика. После того как советская власть расправилась с Мишкой Япончиком, моему отцу не хотелось носить такую одиозную фамилию, и он решил от греха поменять ее на псевдоним. Шел как-то по улице, видит: висит афиша, возвещающая о гастролях югославского певца Славко Влодыча. Ну он фамилию Влодыч переделал на русский лад — получилось Влодов. Вот такая у меня «русская» фамилия.

— Когда вы начали писать?

— С шести лет я увлекся этим делом. Родители по вечерам уходили на спектакли, я оставался один. И, чтобы не было страшно, сначала запоем читал книги, классику: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, — а потом стал и писать. Писал, подражая поэмам Пушкина и Лермонтова, свои огромные поэмы. Получалось очень даже похоже. Как-то в годы молодости показал одну из детских поэм Корнею Ивановичу Чуковскому и сказал, что это из только что найденных творений Пушкина. Так он заволновался страшно. Потом я ему, конечно, сказал правду.

Когда мне уже было лет 25–28, я написал какое-то количество стихотворений и решил показать их нашим стихотворным мэтрам. Для этого я поехал в писательский поселок Переделкино, где находилась дача Ильи Львовича Сельвинского, вот к нему я сначала и заглянул. Он меня принял, я ему прочитал свои стихи.

— Ну и как?

— Мы подружились, и долгое время я навещал его. Впоследствии он написал предисловие для моей стихотворной подборки в журнале «Смена».

— *Я слышала, вам и Пастернак писал предисловие?*

— Да, писал. С его напутствием вышла моя подборка в «Литгазете».

Я со многими тогда общался: с Заболоцким, Чуковским, Твардовским, Щипачевым.

— *А с Чуковским что вас связывало, ведь он же детский поэт?*

— Корней Иванович был настоящим живым гением, и не важно, детский он поэт или еще какой. Поэтому мне было очень интересно с ним. Он знал, что он гений, но его это не особо радовало, ему все порядком надоело.

— *А что он говорил о вас?*

— Он говорил мне тогда, что мое творчество на уровне Ахматовой, Пастернака. Но нам всем много чего не хватает.

Я спросил его: чего не хватает мне? Он ответил: темы, своей темы. У каждого большого поэта должна быть своя, лично им прорабатываемая, серьезная тема.

— *И вы вняли совету Корнея Ивановича?*

— Задумался над этим делом. В итоге у меня действительно появилась своя тема. Об этом моя книга «Люди и боги». Очень много там стихов, я и сам не знаю сколько, потому что большая часть их в рукописях. Также есть книга «Портреты», в ней стихи об исторических деятелях, царях, королях, полководцах, поэтах. Написана еще книга о Великой Отечественной войне, так как мое детство пришлось как раз на годы войны. Есть еще лирика, бытовые новеллы, шутки, эпиграммы.

— *А издано что?*

— Издана всего лишь одна книжка под названием «Крест». Это было в 1996 году. Небольшая такая книжка на деньги спонсора — в издательстве журнала «Юность».

— *Я слышала, что у вас очень много стихов потерялось, а еще больше роздано так называемым литературным клиентам, то есть людям, за которых вы писали стихи...*

— Да, потеряно немало, ведь я почти всю свою жизнь провел в скитаниях, не было ни кола ни двора. То у одного ученика оставишь рукопись, то у другого. Потом след теряется: и ученика, и рукописи. А что до клиентов, тоже приходилось заниматься этой черной работой, а куда деваться? Жить-то на что-то надо было! Я был в черных списках — печататься не мог. Приходи-

лось придумывать какие-то ходы, как-то изощряться в добывании хлеба насущного.

Но я им писал на уровне гораздо ниже своего собственного. Все равно я себе бы эти стихи не оставил. Некоторых моих клиентов печатала газета «Правда».

— *За что вас так невзлюбила советская власть?*

— Ничего особенного я ей не сделал, просто существовал, но, наверное, существовал без особого на то распоряжения, поэтому и стал негоден. На всё в те годы требовалось разрешение. Хочешь дышать? Пожалуйста, но только позволения спроси сначала, а то воздуха может на всех не хватить. Шучу, конечно. Ну а если серьезно, то доставил я им тогда много головной боли, я ведь писал диссидентские стихи, мало что писал, еще и выступал с ними очень активно в больших залах. Правда, особо долго мне выступать не пришлось, доложили куда следует, и мне потихоньку перекрыли кислород. Так же и с публикациями произошло, и со вступлением в Союз писателей. Мой путь был, таким образом, определен: в подполье, во тьму. Дождаться своего часа, сидя в погребе при свече.

— *А что перестройка? Ведь вы могли бы выйти из подполья...*

— Сил уже не осталось. Очень меня жизнь поломала. Сейчас вот только лежу и смотрю телевизор, да записываю проходящие стишата, да по телефону болтаю с парой-тройкой своих знакомых. А готовить рукописи для печати, где-то что-то пробивать, у кого-то чего-то добиваться — это не для меня.

«Новая газета», № 45, 2005 г.

Юрий Беликов
поэт, журналист

ПАСЫНОК РУСОГО СОЛНЦА

Разговор на кухне с автором крылатой фразы «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!» Юрием Влодовым.

«Королю Швеции Карлу XVI Густаву.

Ваше королевское Величество! Прибегаю к Вашей милости и власти с низжайшей просьбой: разрешить мне, — в виде исключения, — въезд в Шведское королевство на предмет нравственного, чисто человеческого прибежища. Вашу страну, серьезность и цельность шведского характера, жизненный уклад и природу я уважаю заочно и преклоняюсь перед ней.

Коротко о себе. Я тоже король в своем небольшом, но величественном и дерзком королевстве — моей поэзии, которой отдал жизнь. Мои подданные — это стихи, ниспосланные мне милостью Божьей. Тема — библейские мотивы, Христос, его окружение. Написано около тысячи стихотворений — так сложилась эпическая, философская книга «Люди и боги». Однако в СССР опубликовано отрывками не более ста. Быт воистину адский. Живу с женой Людмилой и восьмилетней дочерью Юлей в крохотной комнатухе с соседями. Работать, то есть писать стихи или статьи, приходится ночами на общей кухне. Но дело, Ваше Величество, не в этом. В СССР мои работы погибли в неизвестности, так как нашему правительству в настоящее время не до искусства. В Москве и стране — великая смута. Прошу Вас, Ваше королевское Величество, приютить

на шведской земле бедного, загнанного поэта с семьей. Клянусь Вам, я заслуживаю Вашего внимания.

С низжайшим почтением, поэт Юрий Влодов».

С таким письмом в начале 1990-х обратился к шведскому монарху мой легендарный московский друг. Давайте-ка представим, сколько пишется разного рода прошений в нашей чиновничьей стране? Мэрам, губернаторам, олигархам, президенту.. Много ли приходит ответов? А Его Величество Карл XVI Густав откликнулся на послание неведомого для него русского поэта. Влодову позвонили из посольства Швеции: «Писали королю? Оформляйте документы». Однако мой тезка остался в России.

Его знают и не знают. «Прошла Зима. Настало Лето. Спасибо Партии за это». Эту формулу времен застоя любили повторять многие, но никто не догадывался: кто автор? На мой слух, фраза, не потерявшая своей остроты. Если прислонить ее к дню нынешнему, «спасибо» тоже ведь может прилететь по адресу?..

Влодов, как явствует из вышеприведенного письма, одинокий король поэтического подполья. Сейчас, когда бесчисленные пииты стремятся угодить в шорт-листы столь же бесчисленных литпремий, Юрий Александрович только поплевывает на их тщету с 15-го этажа однокомнатной квартирнки на отшибе столицы. За 75 лет жизни у Влодова была издана всего одна тоненькая книжица. Ну, две. Зато с какими названиями — «Крест», «Люди и боги»! Вот и несет он свой крест — неучастия в издательской суете и дележе литературного олимпа. Бывший Юрка-урка, вертевшийся в воровском уральском «колесе», внучатый племянник знаменитого налетчика времен Гражданской войны Мишки Япончика, в одночасье вставший на путь исправления поэзией, получивший благословение Бориса Пастернака и признание Александра Солженицына, доказавший, что Союз писателей — это левая нога Влодова, потому что, забавляясь, он писал книги за других и его клиенты становились членами того самого Союза, может ли он сегодня шестерить, дышать в затылок, тем более переходить кому-то дорогу? Он, создавший столько произведений, что, когда издадут его многотомье, сразу определится — кто в доме Хозяин?..

«Отверженность от «общества» могла быть выбором самого Юрия Влодова, — пишет о нем живущий ныне в Лондоне поэт Равиль Бухараев. — Но его подлинная драма в том, что его, очевидно талантливое и предельно при этом искреннее поэта, отторг от себя и «более интересный» мир литературы. В те годы, когда он пришел в литературу, в ней царили поэты военного поколения и, казалось бы, ему, поэту военного детства, было в ней место... Однако, при всем уважении мэтров к его незаурядному дару подлинности, никто не потеснился тогда. Это, как видно по стихам Юрия Влодова, стало ему очевидным библейским уроком и навсегда определило его состояние — быть верным собственному пониманию литературы несмотря ни на что — вплоть до, словами Пастернака, «полной гибели всерьез».

Но он не погиб. Хотя многие из его ныне именитых сверстников-погодков считают Влодова почившим: мол, как же — бродяга, полубомж.

— *Юра, все-таки почему не состоялся твой исторический отъезд в Стокгольм?*

— Сначала меня пригласили в райком партии. Не забывай, что начало 90-х — это еще советская власть. Завели в какую-то комнату. Там сидели двое. «Зачем вы едете в Швецию?» Объясняя: «Оттуда я буду ездить в Париж, в Лондон, куда угодно, встречаться с пишущими... И сюда, в Россию, приезжать. Швеция будет как бы моей дачей. Я создам там поэтический журнал «Мессия» на трех языках — русском, шведском и английском. Я же не стану за рубежом хаять свою страну. Я за нее глотку перегрызу!» Они смотрят пронизывающими взглядами: «Значит, глотку перегрызете?» — «Конечно, потому что знаю, как там молоковозы наезжают, на кого надо...» — «Какие такие молоковозы?» — «Ну, это я так — к слову». — «Тем не менее мы не советуем вам ехать. У вас ведь — семья. А мы вам поможем — издадим книги...» — «Я подумаю, подумаю...» — уже пятясь, сказал я. Вот и все... Мне прозрачно намекнули, что в случае моего «брусиловского прорыва» перекроют кислород.

С другой стороны, это Бродский мог жить без России. А я не могу. Я — полукровка. Отец — еврей, театральный режиссер, мать — русская актриса, дочь православного священника. Об этом, собственно, стихотворенище:

В зеркало степного колодца
 Проникну, как в детские сны.
 Я — пасынок русого солнца
 И пасынок рыжей луны.
 Я — боженька, гость, полукровка,
 Не ведаю сам, кто таков...
 Как некая божья коровка,
 Вползаю по стеблям веков.

Я пребываю, если так можно сказать, полгода — антисемитом, полгода сионистом, но, как правило, принимаю сторону тех, кто обижен несправедливо. Если русские незаслуженно при мне наезжают на евреев, я их одергиваю сразу. Если евреи начинают мутить воду в адрес русских, я их тут же резко ставлю на место и напоминаю, что они-де все-таки живут в России, где с ломом-лопатой и на тракторе сеют для них, и пашут, и металл варят, а они, по сути, занимают места чистоплюйские. И я утверждаю, что еврей, пишущий на русском языке, — впрочем, это также относится и к татарам, и к армянам, и к представителям любой другой национальности — остается все равно еврейским, армянским или татарским поэтом. Даже если он не знает родного языка. Потому что в генах и в мышлении он — на свою особицу. Это все равно что русский, если его поселить в Израиле, будет писать на иврите или идише. От этого же он не станет евреем?..

— Ты был знаком со многими «величественными стариками» русской литературы. Например, с Борисом Пастернаком. Каким он тебе запомнился?

— Мне вообще не нравился Борис Леонидович! Ни стиль его, ни стихи.

— Но ты же взял у него предисловие к своим стихам для публикации в «Литгазете»?

— Я взял предисловие и у Ильи Сельвинского. Я с ним дружил. Был еще Лев Озеров. Он вел в Литинституте семинар и все время ходил с дачи Пастернака на дачу Сельвинского.

Он и тому угождал, и этому. Когда я пришел к Сельвинскому, тот сказал, знакомя меня с Озеровым: «Вот — поэт Юрий Влодов! Советую знать его! А это, — говорит, — Лева Озеров. Сейчас пойдет к Пастернаку. Записывает, понимаешь, за нами исто-

рию...». Озеров почтительно встал. Я решил: раз так, почему бы мне не взять и второе предисловие от Пастернака? Дело тут не в стихах. Мне и Сельвинского стихи не нравились. Я из поэтов признавал только себя, как бы это смешно ни звучало!

А «величественных стариков», как ты их называешь, я всегда предупреждал: «Ваше мнение мне неинтересно! Я — большой поэт. Знаю себе цену. Но пришел с вами познакомиться, почитать свои стихи и посмотреть, как вы отреагируете...» Пастернак меня принял благосклонно. Начал задавать вопросы: «Как вы понимаете поэзию?» Говорю: «Как волшебство. Например, простые слова: «Февраль. Достать чернил и плакать...», но расставлены они так, что хочется действительно заплакать. Это и есть поэзия». — «Как вы воспринимаете это, — продолжил он, — как философию, или как лирику, или как что?» — «Нет, здесь уже речь идет о гениальности», — покривил я душой. Пастернак не умел себя чистить.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно...

Это — волшебно, хорошо. Но рядом: «Скрещенья рук, скрещенья ног... И падали два башмачка...». Это уже — опошление. Просто случка. Но сам он был глух к этому.

— Ты знал и Заболоцкого, и Твардовского...

— Заболоцкого я знал шапочно. Помню, он рассказывал мне, как его бил в лагере по голове один debil. Каждый день обязательно ударял по голове толстой палкой. И спрятаться от него было невозможно. После этого, выйдя из лагеря, Заболоцкий стал писать стихи совсем в другом стиле.

— А Твардовский?..

— Твардовский — алкоголик. Это надо помнить всегда. У него руки дрожали, глаза бегали пьяно. Вместе с тем абсолютно чистая душа! Единственно, какую услугу ему можно было оказать, — это пронести бутылку водки. Жена за ним следила очень жестко. Я пронес. Твардовский бутылку спрятал. И тут жена его ворвалась: «Ну-ка, покажи-покажи! Где у тебя что?!» Он ее сунул куда-то умело — за книги. А потом объяснял

мне, наверное, встреч пять. У Твардовского была особая тактика, как себя в этих случаях вести. Чтоб отвлечь внимание жены, он крикнул в мою сторону: «Вон отсюда! Он хотел что-то! Но меня не купишь!..» Я вышел. А потом Твардовский мне сказал: «Я специально отвлек ее внимание... — и добавил: «Ты мне жизнь продлил на сутки». А глаза — как у младенца. Ну, и в редакцию я ему носил, конечно...

— *Но ты же не публиковался в «Новом мире»?*

— Нет, я своего ничего печатать не давал. Я публиковал стихи Мары Гриезане, своей жены-латышки. Мне это было важней. Я ее делал знаменитой всесторонне. Она ни слова сама по-русски не написала. За Гриезане писал я. Да, я читал Твардовскому свои стихи. Он подбородок рукой подопрет, слушает мою «Балладу о ночлеге» про Мандельштама:

...Спит под печкой сучка Моська,
Снится ей мосол свиной.
Спит на печке странник Оська
(Ну, конечно, и с женой!)...
Мает маятник судьбину..
Русь! Кладбище да труба...
Через пушу-луговину
Продирается изба...
Под щекой у сучки Моськи
Сохнет Оськин башмачок...
Ая-яй! Не стыдно, Оська?!
Ведь не спишь ты, дурачок!..
«Здрассте! Здрассте! Нет, не сплю я...
Потому что вот — не сплю...
Вашу Родину люблю я!
Нашу Родину люблю!..

«Баллада...» — длинная. Прослушав, Твардовский говорил: «Не пройдет. Меня присекут сейчас же!» Могли. Время было очень жесткое...

— *Твой отец был племянником Мишки Япончика, знаменитого одесского бандита времен Гражданской войны, ставшего затем прототипом Бени Крика — героя рассказов Исаака Бабеля. Стало быть, ты — внучатый племянник. А как погиб Япончик?*

— А он же, когда приперло, потребовал у большевиков разрешения, чтобы ему дали в подчинение бригаду, и он, дескать, будет воевать за советскую власть. Большевики стали разъединять их потихоньку — половину бригады туда, половину сюда, чтобы Япончика уничтожить. Такой тайный приказ отдал Яков Свердлов. И около станции Вознесенск, сошедши с поезда, Япончик со своими людьми пошел по нужде в лес. В этот момент объявились чекисты, вооруженные маузерами-карабинами, и стали ждать их из лесу. И тогда Мишка вышел из лесу — в одной руке у него была сабля, в другой маузер — и двинулся прямо на чекистов, стреляя. И они его убили. И всю бригаду его уничтожили...

— *А у Япончика настоящая фамилия — Левицкий?*

— И Левицкий, и Винницкий. У него было две фамилии. В одном паспорте — Винницкий, потому что его предки родом из Винницы. А в другом — Левицкий. Если у Свердлова было 12 паспортов (их нашли после смерти в сейфе вместе с миллионами денег), то почему у Япончика не могло быть двух?..

— *Насколько, с твоей точки зрения, соответствуют образы Бени Крика, созданного Бабелем, и самого Мишки Япончика?*

— Образ Бени Крика занижен Бабелем до пародийности.

В действительности Япончик был большой гангстер, властелин не только Одессы, но и всего юга России. Есть такой фильм о Котовском. Там в тюремной камере на нижних нарах лежит какой-то ученый, к нему подваливает шпаненок и говорит: «Сбрось колеса, пацан!» Тот: «Что вы сказали?!» А сверху — голос Котовского: «Не трожь его!» А в углу, с белым носовым платочком в руках, Бенья Крик: «Витенька! В камере был какой-то шум. Кто-то что-то сказал. Или мне только показалось? Ну что же, — теребит носовой платочек, — мы можем помочь тому, кто шумит». Хоп! — платочек, а там — финка, к платку прикрученная.

— *Бабель знал Мишку Япончика лично или это плод его фантазии?*

— Знал лично. Но он выполнял задание партии — заузить Япончика. Что касается Котовского, то моя мама чуть не вышла за него замуж. На самом деле Котовский был бессарабский бандюга, никакого отношения не имевший к советской власти. А Одессу едва ли не каждый день занимали то красные, то белые, то зеленые.

И вдруг врывается в город конница Котовского. Гоп! — всё захватили. И тут он увидел мою маму. Она была очень хорошенькой — белокурой гимназисточкой. Увидел и говорит: «Жениться буду! Тебя возьму!» Приказал подручным: «Создать условия!» Это происходило в каком-то местном театре. Сразу сдвинули столы, еда появилась, выпивка. Вокруг — пулеметы, чтобы снаружи не побеспокоили. Мама, естественно, в шок. А Котовский: «Сейчас нас обвенчают!» Привели двух попов. Они трясутся от страха. Котовский — им: «Все — по закону! Я религию уважаю». И в этот момент страшная пальба, взрывы. Кто-то вбегает, кричит: «Белые!» Он — маме: «Щас я их разобью — и поженмся!» Все забегали — не до свадьбы. Мама как дала теку оттуда! И действительно, офицеры, золотопогонники занимают Одессу. «Еще чуть-чуть бы, — говорила мама, — и мой сын был бы отпрыском Котовского...

— *А твой отец-то знал своего именитого дядю?*

— А как же! Тот ему говорил: «Учись хорошо. Будешь учиться плохо — повешу на столбе!» И папа мой, когда ехал на извозчике в гимназию в центр с Молдаванки, видел, как на всех углах стояли разные бандиты-мошенники и приветствовали его. К примеру: «Шурик, как там дядя Миша? Кланяйся. Это — Косой». Папа — кротко так: «Хорошо!» Приезжал и говорил: «Дядя Миша, Косой вам кланялся!» Тот: «Я же сказал — никому не отвечать!» Папа не зря фамилию поменял. Стал Влодовым. Увидел афишу: сербский певец Славко Влодыч. И — перенял. Потому что уже начали шерстить — в том числе и за фамилии. Отец был очень осторожным человеком. Думал: будут расстреливать и Винницких, и Левицких — всех.

— *Отрочество и юность твои тоже были криминальными...*

— Да, видишь, на кисти правой руки у меня жук в клетке? Я был молодым законником. После войны мы ездили кодами по Уралу, по Пермской области — Березники, Соликамск, Кунгур, Кизел, Чусовой... Я до сих пор помню, где какая улица в каждом из этих городов. Вот в твоём родном Чусовом от железнодорожной станции идет улица Матросова. Поворачивая к переезду, она упирается в сад и дом железнодорожников. Недалеко от переезда — ментовка. Так?..

— *Потрясающая память!*

— В Чусовом у меня была любовь — Зина Салангина, в Кунгуре — Шура Малмыгина, а в Перми — Зоя... фамилию ее тебе знать не обязательно, но жила она на улице Чкалова, дом 20, даже номер квартиры помню...

— *А как же ты выломился из своего «колеса»?*

— Пришел на воровскую сходку, где держал ответ, кем быть. Каменщиком? Нельзя. Каменщик может построить тюрьму. Плотником? Не годится — может врезать в тюрьме замок. А поэтом?! «Поэтом?..» — чесали вора в затылках. «Ну да, как Серега Есенин». — «Поэтом — можно...» Кстати, образ поэта — как повелителя окружающих — берет начало из моих уральских воспоминаний. Дело было в Кунгуре. Туда приехал после войны Театр транспорта, где служили мои родители. С ними — я, мало-летка. Помню плотного человека в светло-сером костюме и широкополой шляпе. В руках папка со стихами. Приходил к нам в театр и читал весьма мастито, с жестикуляцией. Я как-то глянул в папку — стихи лесенкой. Однажды, когда театр выступал на выезде и летней ночью труппа, где была и моя мама, возвращалась в город через лесок, из кустов выдвинулись бандюганы: «Стой! Кто такие?» Они испугались: «Мы — актеры...» И вдруг выходит тот — в широкополой шляпе — и говорит: «Это — актеры. Не трогать!» Кто это был? Быть может, Василий Каменский?..

— *О тебе снято два фильма — «Я Вам пишу, Ваше Величество» и «...А гений — суций Дьявол». К режиссуре первого, который демонстрировался по центральному телевидению, имел отношение известный ныне в пермских киношных кругах Виктор Наймушин. Помнится, когда ты приезжал в Пермь в 94-м на вечер журнала «Юность», который я проводил в Союзе писателей, вы с Виктором обменялись головными уборами. Он тебе — свою кепку, а ты ему — вязаную шапочку — «петушок»...*

— В этой наймушинской кепке я до сих пор и хожу. Стал мыслить кадрами. А Наймушин, по слухам, пристрастился к литературному творчеству?

— *Да, на недавнем фестивале документального кино «Флаэртиана», проходившем в Перми, он, говорят, дирижировал сценарием его закрытия.*

— Значит, мой «петушок» Вите на пользу. Пусть носит дальше.

— *В чем суть твоего творчества?*

— Суть моего творчества — в поэтической попытке осмыслить библейскую ситуацию, распространяющуюся и на сегодня — ведь люди-то одинаковы! — и приподнять человека с колен перед богами. Чтобы человек был не бессловесный раб Божий, а мыслящий подданный его:

Над Иудеей ночная дрожь.
Мерзлая площадь. Бугры халуп.
Пасынок молит: «Прикончим ложь!»
Отчим смеется: «Ты слаб и глуп!»
Северный ветер. Не повезло.
Месяц от стужи не рыж, а рус...
Пасынок молит: «Прикончим зло!»
Отчим смеется: «Землянин! Трус!»
Настежь раскрыты глаза планет.
Пасынок вскрикнул: «Старик и жмот!»
Замерло Небо. Ответа нет.
Замерло Время. Стоит и ждет.

*Москва — Пермь
январь, февраль 2006 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

На семи холмах (Юбилейная ода к 850-летию Москвы)	4
«ТАНКИ ШЛИ ПО РУСИ ПРИДЫХАЯ...» <i>Стихи о Великой Отечественной войне</i>	
«Война распяла детство...»	12
«Гуляло лето по европам...»	13
«Танки шли по Руси придыхая...»	15
«В июньский день — мороз по коже!..»	16
«Ах, как я распахнуто сплю!..»	17
«Ведро, веники, пеленки...»	18
«Теплушки похожи на низкий закат...»	19
«Бьет из пушки профессор физмата...»	20
«А детство где? — ищи-свищи...»	21
«Цыц! — ни аха и ни оха!..»	22
«Зимы военных лет...»	22
«Да, были ожеговы, дали...»	23
«Скосил глаза народный вождь...»	24
Духовой оркестр	25
Действо	26
«С утра прислали смершники...»	28

«Отец упал на гребне лета...»	29
«Мама белая, как зима...»	30
«От деда пришла похоронка...»	31
«Из-за тыновых гребенок...»	32
«И рухнул матери на грудь...»	33
«Бежал, поджимая живот...»	34
Язык	35
Казнь партизана	36
«Встал над пропастью войны...»	37
«Когда на окровавленной шинели...»	38
«Сгорел в подбитом старом танке...»	39
«Солдат любим седой старухой...»	40
«Окружение... Свалка... Плен...»	40
«В барак вселили смерть, как ровню...»	41
«Еще дымился Кремль московский...»	42
«По-сиротски смурные земли...»	43
«Без вести канул в пучину войны...»	44
«Ботву рукой крушила...»	45
«Война — жесточайшая проба...»	46
«Объявилась в тылу фронтовичка...»	47
Соловей	48
«Сначала вышел с ним курьез!...»	49

Музей Моцарта	49
Месса в Кенигсберге	50
«На соборе — профиль прусский...»	50
Май 1944 года	51
Жуков	52
«Восход алел, как орденские планки...»	54
«Улетели луга...»	55
«Не смотри, солдат слепой...»	56
«Иван да Марья вышли из ворот...»	56
Соседи	57
«Куда же вы делись...»	58
«Друзья собрались в День Победы...»	59
«Две матери грозно скрестили глаза...»	60
«И все же, черти, — в здравии! — в живых!..»	61

ПОРТРЕТЫ

Стихи о царях, исторических деятелях, полководцах, поэтах

«Спросил кривой монгол...»	64
«Он удивился: «Ты, мой Брут?!»	65
«Робинзон осознал...»	66
«А Дон Жуан-то, может статься...»	66
«И взыграл куполами неслыханный Васька Блаженный!..»	67
«Ах, по головушке тугой...»	68

«Цари обычно — самодуры...»	69
«Поредел императорский чубчик...»	70
«Не осталось бывшего азарта...»	71
«В надежных розвальнях, в мехах...»	72
«Давыдов проснулся, горяч и по-зимнему зорок...»	73
«Светильники... Гербы...»	74
«О балы мои далекие!..»	75
«Когда на клейкий подоконник...»	76
«Светлело, а гусиное перо...»	77
«Монарх изрек...»	78
«Слетают листья с Болдинского сада...»	79
«Под чугунным небосводом...»	80
«Пушкин с Гоголем сидели...»	81
«Русский лес — домовит...»	82
«Граф, извиняй! — слова твои пусты...»	84
«Слепые силуэты Петрограда...»	85
«Не пугайте балы и Блока...»	86
«Я вижу Ахматову Анну...»	87
«Зарежусь!» — объявил Есенин девке...»	88
Нэпманская баллада	89
Баллада о ночлеге	91
Лагерная баллада	93

«ОТ РУБЛЕВА ДО РУБЦОВА...»

Стихи о России

«В русском сердце — терпенья на долгие годы...»	100
«Постигаю российскую речь...»	101
«Какая легкость в русских облаках!...»	102
«Русской бабе жить привычно...»	103
«Божевильная уродина...»	104
«Душе свежо и колко...»	105
«Береза-хохотушка и дубок...»	106
«Что тоскуешь, русский человек...»	107
«Блаженная отчизна...»	108
«От Рублева до Рубцова...»	109
«В тесноте могучных рощ...»	110
«Тучи грозные грядут под парами...»	111
«Кровяные светы...»	112
«Ржанец — за четыре хруста...»	112
«Вроде малого воробушка...»	113
«По всем лесам Отечества...»	113
«На лугу, впотьмах, за тополями...»	114
«Задышало поле мглою...»	115
«УМОЛК ВЕЧЕРНИЙ ПТИЧИЙ ГАМ...»	
<i>Стихи о природе</i>	
«Умолк вечерний птичий гам...»	118

«Лучи последние померкли...»	118
«Дождичка Божья манна...»	119
«Утро — солнечным венчиком...»	120
«Новорожденный дождичек...»	121
«Луга дождями смяты...»	122
«Объемно и бездушно...»	123
«Оглядел заплаканное поле...»	124
«Ветры тянут волоком...»	124
«Не счесть в саду, наполненном водой...»	125
«Нынче дождь почти что солон...»	126
«Над плещущей песчаницей...»	126
«Стою осененный, блажной и босой...»	127
«В лесах обнажаются гнезда... В душе обнажается боль...»	128
«В туманы ушла...»	129
«О позднее поле...»	130
«Взыграл гусиных стай гобой...»	131
«Шагнул морозец синий...»	132
«Свистят опушки декабря...»	133

Времена года

Весна	134
Лето	135

Осень136

Зима137

«ПОЭТ, ПОВЕДАЙ СВОЙ СЕКРЕТ!..»

Стихи о творчестве

«Поэт! — поведай свой секрет!..»140

«Голодаю душой и карманом...»140

«Сердчишко стихотворного птенца...»141

«Брел оборванец по земле...»142

«Скажу, что слишком тяжело мне...»143

«Был послушным послужником...»144

Переделкино145

«От жилья наискосок...»146

«В зеркало степного колодца...»147

«Талант, по сути, толст...»148

«В карманах у Поэта — ни хруста...»148

«Жандарм сыграл сквозную роль...»149

«Заявился в обличье козла...»150

«Жизнь долбила кайлом в два бока...»151

«Ангел дудочку воздел...»152

«Увидел я себя со стороны...»153

«Пиита, веришь в Бога?..»153

«Поэт — библейский фолиант...»154

«Под выдохи Ильи Громова...»	154
«Все больше морщинок на старой Луне...»	155
«Я ЗАГЛЯНУЛ В ЗЕРЦАЛО БЫТИЯ...»	
<i>Философская лирика</i>	
«Я заглянул в зеркало Бытия...»	158
«Кто толчется у дверей...»	159
«Мне назойливая муха надоела...»	160
«Обшарпан и нелеп, как силосная башня...»	160
«Как хороша над морем лунность!..»	161
«Я ворону крикнул: «Здорово, старик!..»	162
«Бурый ворон! Пропадающая птица!..»	163
«Вечная тема моя...»	164
«Старец говорит: «Каменею, терпя...»	165
«Торчало солнце смешным бугром...»	166
«Судьба Венере обрубила руки...»	167
«Среди катастроф и смещений...»	167
«Со скоростью света наука...»	168
«Считай судьбу наукой...»	169
«Когда всосала водяная яма...»	170
«Створки раковины мироздания...»	171
«Роптало, скрежетало, свиристело...»	172
«Пустыню искрами осыпал НЛО!..»	173

«Над пышностью искусств, над сухостью наук...»	...175
Гомер, Бетховен, Природа и автор176
«Рябины кисть...»178
«Все мы смертны, к счастью...»179
«Все гениальное просто...»180
«Сгусток Солнца гениальный...»181
«Облачные роспади...»182
«Отче!..»183

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ ВЛОДОВА

Статьи, интервью, послесловия

Кадры из передач «Невероятные истории» (РЕН-ТВ) и «Необъяснимо, но факт» (ТНТ)186
---	----------

Кадры из кинофильма «...А гений — сущий Дьявол!..»188
---	----------

Кадры из передачи «Я Вам пишу, Ваше Величество» (РТР)190
--	----------

Равиль Бухараев «Я — жизнь твоя...»192
---	----------

Евгений Лесин «А Бог скрывается в траве...»197
---	----------

Кирилл Ковальджи «Все хорошие поэты необычны...»199
--	----------

Людмила Осокина	
Он поблагодарил партию за смену времен года200
Юрий Беликов	
«Пасынок русого солнца»204

Влодов Юрий Александрович

На семи холмах

Редактор: Л.М. Влодова
Арт-директор: Г.В. Масленникова
Компьютерная верстка: Н.С. Ворламова
Корректор: Л. Белова

Подписано в печать 31.10.2008
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 14.
Гарнитура «FuturaFuturisC», «NewtonC».
Тираж 3000 экз. Заказ № 9704.

Полиграфические работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография».
125252, Москва, ул. Зорге, 15; Тел.: 8 (499) 195-86-47

Генеральный директор С.М. Линович

9 785785 310049